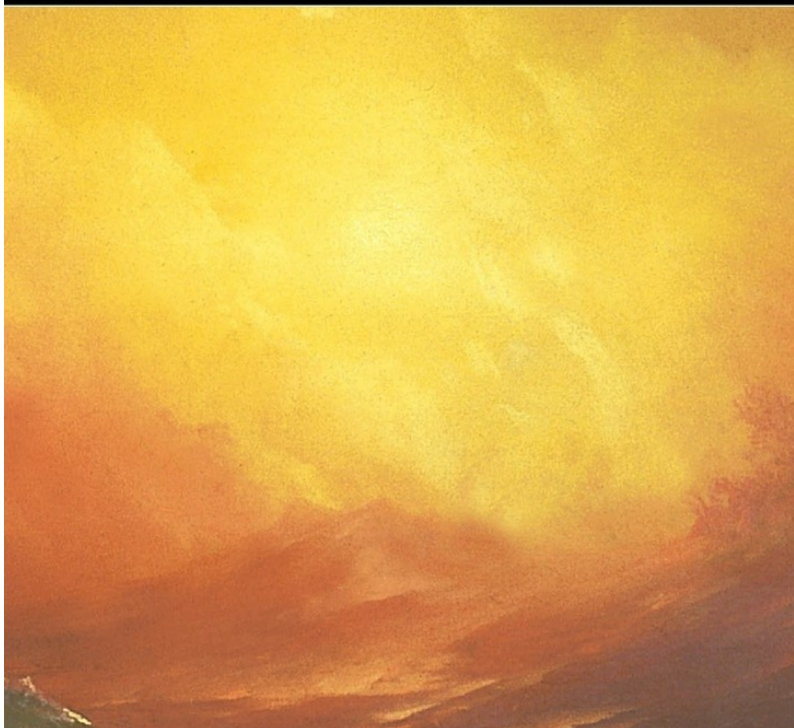

Широкова ВАСИЛИНА

Парадигма

Василина Широкова

Парадигма

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32830023

ISBN 9785449077028

Аннотация

Через три столетия после Третьей мировой в разделенном мире начал распространяться неосепаратизм. Идея суверенитета убеждений и территорий. Илерия Грей – идеальный Гражданин. Для своей страны она пример редкого гения и хладнокровия, для врагов – та, кто подлежит уничтожению. Ее идеалы казались нерушимыми, а мир делился на черное и белое, но после плена жизнь Илерии Грей раскололась. Она знала, что враг – незримый и опасный – наблюдает за ней. Но кто же он: система, террористы или же она сама?

Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	21
Глава третья	45
Глава четвертая	56
Глава пятая	64
Глава шестая	75
Глава седьмая	90
Глава восьмая	102
Глава девятая	123
Глава десятая	136
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Парадигма

Василина Широкова

© Василина Широкова, 2018

ISBN 978-5-4490-7702-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Тайны и Смерти Илерии Грей

Глава первая

В тот день, весной 2361 года, на окраине Зес в небольшом районе Кёрстер небо цедило мерзкой моросью. Илерия Грей, еще трехлетняя девочка, не предполагала, что к вечеру старательно выращиваемая ею ромашка исчезнет. Исчезнет в огне.

Но как часто это бывает, она запомнила не ужас разрушительной войны, а всего один взрыв. А туман памяти о тех днях заставил ее – девочку, а потом и женщину – воспринимать мир как игру. Он крутился словно разноцветная юла.

Даже когда она пыталась вспомнить свое детство, то перед взором вставала лишь ромашка, исчезающая во вспышке. Нет, то был не отец, погибший, по словам матери тогда же, прикрыв своим телом единственную дочь, малышку Илерию, а проклятые цветки под тенью дерева.

Люди, несмотря на события тех дней, все так же жили и умирали. Так жила и она, гражданин особого значения, сейчас стоящая в ванной перед зеркалом, тупо уставившись в него. На миг показалось, что глаза этой двадцативосьми-

летней женщины голубые. Абсурд, порожденный воображением. У нее глаза от рождения карие.

Пальцы пробежали по шраму на подбородке. Некрасивый, можно даже сказать уродливый, рубец шел по шее и заползал на лицо тонким щупальцем. Он болел. Постоянно. Как калеки ощущают фантомную боль в потерянных конечностях, так и ей приходилось мириться с зудящей пульсацией, сопровождаемой ступором, лишаящим дыхания.

Меня раскатали.

Всегда одна и та же мысль. Она крутилась в голове, раз за разом, то усиливаясь, то утихая. Эти два слова сравнимы с мглой, слепой, как двухдневные котятка.

Илерия Грей слышала эти чьи-то мысли, чуждые для нее, но одновременно знакомые. Они крутились, овивали ее извилины, сворачивались в незаметный клубок, как только возвращалась реальность. Но стоило отвлечься, они вновь расползались и, проникая все глубже, звучали в подкорке еще настойчивее. А за ними просыпались и боли. Ногти не раз раздирали шрам в мясо, пока неприятные ощущения, разминающие каждую косточку как под прессом, не проходили, пока голос не прекращал вещать во всю силу по телу

меня раскатали.

В такие моменты она говорила: «Волки вышли на охоту». Вот и сейчас в зеркало смотрели уставшие от боли глаза, а подбородок поблескивал выступающей сукровицей.

– Волки вышли на охоту.

Ее мать уже давно покоилась прахом в керамической банке в городском склепе. И хотя она превратилась в серую пыль, в жизни Илерии Грей ее наставления все еще имели вес. Именно из вечно блестящих красной помадой губ матери вылетало это поганое – по ее мнению – слово «волки». Волки неизменно возвращались в свой лес

Сегодня они кого-то съедят

поскуливали и рычали под окнами выбранной жертвы.

Сегодня на ужин у них соседи,

А завтра, может, буду я...

Илерия Грей часто пела эту песенку в детстве. Уже после ромашки, после отца, который тоже когда-то был, если судить по рассказам матери.

Откуда шрам, она не помнила. Он был уже после. После провала. Уже после

меня раскатали...

А может и во время.

Перед зеркалом Илерия Грей успокаивалась, пусть и боялась. Порой чудилось, что ее глаза не ее, а лицо чужое, словно приклеенная маска, готово расползтись, просочиться внутрь мозга и пожрать ее, уничтожить, растворить в себе. Оно пугало, но тут же исчезало, лишь слышала: «Волки вышли на охоту».

Это началось около месяца назад. Ее измученное тело погрузили в машину и увезли. Увезли прочь из железной, пропахшей влажностью ловушки плена. Но мысленно она все

еще оставалась там. Далекое эхо напоминаний об Асаране, прибежища гнилых душ террористов, не давало о себе забыть.

И вот она стоит перед зеркалом одиночной палаты лишь в нижнем белье, по плечам и спине спускаются черные перепутанные волосы. Голубые глаза смотрят на нее из отражения, не мигая. Маска лица не улыбается, застыв в обрамлении светлых кудрей.

Илерия Грей заставляет себя думать, что это сон. Что Анна, белокурое отражение – вымысел, сотворенный одичавшим в плену сознанием.

– Кто ты? – спрашивала она, опираясь руками о раковину.

И тут же:

– Волки вышли на охоту, – шептали ее, но чужие губы в отражении.

Там волк. Там враг. Хищник с полной пастью зубов, готовый поглотить, обглодать каждую ее кость. Паразит еще не достаточно вырос, чтобы пожрать хозяина-носителя. Но скоро – Илерия Грей это знала – скоро у чужака будут силы взять верх над ней.

И эта боль. Шею сводило из-за нее. Лицо пульсировало, немело. Но она утихала. Медленно, но утихала, играя мыслями, как нитями марионетки.

«Убирайся к себе в ад!» – думала Илерия Грей.

Ад существует. Она-то знала. Была в нем. Долго. Дни неумолимой погони, дни удушающего страха, трясущихся

подженок и отсутствия времени справиться нужду. А после – время бесконечного странствия в собственных кошмарах. И среди них появлялась Она. Грустная, тихо рассказывающая свои истории, каждая из которых цеплялась, утягивала Илерию Грей в еще более глубокие ямы зыбучих снов, подсвеченных ржавым светом бесконечных пустынь Заграницы.

До сих пор в ушах бубнил гул пролетающих снарядов, разрывных пуль, а в глазах мгла и красное зарево Гремучей облачности. Она не знала, что же страшнее – тьма, без мыслей и чувств, или же клубы кровавых песков. Они страшны, они обе остались в памяти, обретя место рядом с белыми цветами ромашки. Будь та проклята!

Голова пухла под натиском мыслей. Треск и звон оглушали, создавая вакуум бессмысленности. В нем Илерию Грей и тонула. Часто, с каждым разом сильнее. С каждой волчьей ночью захлебываясь собственным безумием.

Даже тигр приходит, когда его зовут.

Илерию Грей желала отвернуться, вновь впасть в реальность, не ту, видимую в окружении ванны, унитаза и полочки с бутылками, а ту, привычную, лишенную шизофрении.

Сейчас 2386 год н.э.

Илерию Грей, спасшаяся из, казалось, смертельной ловушки, попала в ставший уже чужим водоворот привычных запахов и звуков. Год плена, подпернутый дымкой беспмятства, перекрыли несчастные пару недель в больничной палате.

Выругавшись, она вышла из ванной и начала бродить из одного угла комнаты в другой.

Илерия чувствовала себя лабораторной крысой, засунутой в мешок. Все дышало аскетизмом: лишь койка, тумба, да две двери. Одна вела в ванную комнату. Белые стены, белое все. Добро пожаловать в Систему, Илерия Грей! В Звезду, окоченевшую в границах шести городов, развивающуюся по устаревшим канонам и спрятанную под куполом в энергетических подтеках от врагов и друзей.

«ANTChristGroup заботится о будущем!» – лозунг многих поколений, к одному из которых относилась и она, Илерия Грей. Корпорация за все время своего существования с 2020-го года создала множество великих умов, заикленных скорее не на будущем пяти наций, а на маркетинге собственного «Я».

Кусая губы, Илерия уставилась на дверь, на маленькое окошко. Она уже научилась не замечать заинтересованные лица врачей за толстым пластиком. Ее наблюдали, лечили, ей говорили вещи, которые она знала и без них.

Жизни тех, кого она, будучи ученым, спасла и погубила в стенах этой научной исследовательской базы невозможно пересчитать по пальцам. Ее труды и создавали то самое будущее, о котором так усиленно твердят Короли, прячась в крысиной яме Крон-а, великой столице Звезды. Никто не видит этих отцов Корпорации, но их власть и могущество неоспоримы, как и вина тех, кто остался по другую сторону, вынуж-

денных прятаться в бункерах Заграницы от хаоса, сотворенного их собственными руками. Они погрязли среди мертвых городов, в плесени убежищ и нескончаемых войн с Системой.

Всякий гражданин обязан ненавидеть невидимого врага. И они ненавидят: честно, каждый день, начиная с утреннего горшка, и заканчивая грезами перед сном. Илерия Грей же выполняла этот долг усерднее остальных. Она убивала, создавая. В ее пробирках вырастали смертоносные вирусы, под ее наблюдением военнопленные лишались рассудка, с них сдирали кожу, гноили болезнями. И именно страсть к вершению правосудия толкнула ее отправиться в пасть Гремучей облачности для поисков новых методов убийств. Ибо Звезда требовала крови во имя отмщения за страдания мира. И вот ее, Илерию Грей, держат под замком, как преступника с Заграницы. Дни плена еще продолжались, но теперь ее держали не террористы, коих она презирала, «лечила» в своей лаборатории, а ее знакомые, в прошлом ходившие в ее подчинении. И, к сожалению, мамыны «волки» не в силах победить реального врага.

Она вернулась, но утратила доверие Совета Шести. И только доктор Артур Джеймс может вернуть ей прежнюю жизнь одним росчерком в больничном листе. Илерия усмехнулась, вспоминая его физиономию. Блеклое подобие человека.

Ничто не помогало Системе безопасности восстановить

в ее памяти год жизни: ни допросы, ни угрозы. И ублюдку доктору Джеймсу рано или поздно придется смириться с данным фактом и отпустить домой.

Илерия готова отдать все за родную кровать! Начинало застилать вуалью все то, что она должна была помнить еще многие десятилетия: родные стены, обклеенные золотисто-зелеными обоями, а не выкрашенные в сплошной белый больничные; огромные окна в гостиной с видом на сад. А чего стоит одно мыло, пахнущее цветами, а не туалетом! Кто угодно может продать душу Дьяволу за хотя бы один взор на что-то родное. Тем более Илерия Грей, побывавшая в плену, и приобретшая не только ужасную линию шрама, делающую ее и так не слишком привлекательное лицо грубым в чертах, но и кошмары.

Она улыбнулась, думая о доме, в котором провела всю свою сознательную жизнь.

Это была первая улыбка с тех пор...

В те мгновения, когда Илерия шутила с командиром, сопровождающим ее исследовательскую группу, все вокруг замелькало во взрыве. Потом ее вытащили из-под обломков. Она не видела их лиц, но сразу поняла, что попала в руки к террористам.

Воспоминания отразились в теле дрожью. Вкус конца. Когда ее перевернули на спину, она увидела пульсирующую раскрытую цветком рану, а вид собственных внутренностей дал понять, каково на вкус умирать. Легкие жгло от песка,

пропитываемого под телом ее же бурой кровью.

И от того более странно, что она теперь здесь, спустя год. Живая и почти здоровая. Каждая кость, каждая мышца пульсировала, будто разминаемая катком. И больше ничего.

Пиликанье дверного замка отвлекло Илерию от созерцания темного слепого пятна зеркала на стене в ванной.

В палату вошел ублюдок доктор Джеймс: выше Илерию на добрую голову, блондинистый. Бесцветен до безумия.

– Доброе утро, – сказал он.

– Да неужели?! – Илерия криво улыбнулась, с трудом сдерживая гримасу презрения.

– Как вижу, Вы опять плохо спали? – доктор Джеймс не то спросил, не то сделал умозаключение, усаживаясь на стул у койки. Излюбленная поза правильного мальчика: колени плотно прижаты друг к другу, руки, скрещенные на папке, словно для защиты чего-то важного.

– Отлично спала.

«Пройдет время и все станет как прежде» – думалось ей. Она, правда, в это верила, пытаясь слушать здравый смысл, свой профессиональный опыт.

– Не пытайтесь меня обмануть. – Доктор Джеймс тяжело вздохнул, открывая ее личное дело.

– Даже и не пыталась.

Илерия с трудом сдерживалась от того, чтобы не вырвать его бесцветные волосы. Она утешала себя тем, что ее ярость просто чуть усилилась после пройденных испытаний. Не бо-

лее. Она и ранее замечала в себе эту черту, но в силу профессии и положения в обществе с легкостью уживалась с ней.

– Совету нужны доказательства, что Вы совершенно здоровы. Или же наоборот, – оторвавшись от результатов ее анализов, он посмотрел на Илерию. – Вы подверглись сильному стрессу, госпожа Грей. Я всего лишь хочу, чтобы Вы поскорее восстановили свою память.

С ее губ сорвался ироничный смешок. Совет Шести, эта кучка управленцев, думает о людях в последнюю очередь. Она прекрасно понимала, что ее обязательно выпустят отсюда, если придерживаться правил.

– Я была в плену, а не в туристической поездке, – сквозь зубы процедила она, подметив про себя, что доктор Джеймс что-то пишет в своем тонком сером блокнотике. – Ты, как ученый, должен понимать, как работает память.

Доктор Джеймс покачал головой и протянул Илерию папку, кивком прося взять.

Маленькое фото сбоку заставило ее поморщиться. Сделанное в первый день пребывания в больнице, оно не выдавало ни единой симпатичной черточки в ее лице: тощая морда борзой псины; огромные проваленные в синие веки карие глаза; искаленное шрамом на подбородке лицо; сальный серый от пыли волос. Уже само это вызывала отторжение. Да и запах бумаги не дарил приятных чувств. Но доктор Артур Джеймс, когда-то ее стажер, любил оставлять закорючки своего подчерка на белоснежных листах. И, судя по всему,

до сих пор не привык пользоваться компьютером.

Красивые буквы с трудом воспринимались Илерией, и потому диагноз в ровной рамке стандартного больничного листа она прочла несколько раз. На следующих пяти листах расписано, почему восстановление в должности и дальнейшее пребывание в рядах служащих научной базы невозможно.

– Ты в своем уме? – она уставилась на доктора Джеймса, пытаясь не зарычать. Ее верхняя губа подергивалась как у бешеной собаки, скалящейся на врага. – Ты никогда не отличался должным умом, Артур Джеймс! Это бред!

Он встал.

– Почему же, госпожа Грей? – голос его был тихим и спокойным, словно перед ним не было взбешенной женщины, в прошлом его учителя и наставника.

– Ты не можешь судить о моих политических взглядах, – Илерия задохнулась от возмущения. – Ты что этолог, черт тебя дер!

Доктор Джеймс покачал головой:

– Такие выводы сделаны не одним мной, госпожа Грей, – он указал пальцем куда-то в пустоту, словно иллюстрируя свои слова. – Вы здесь уже пятнадцать дней, а положительной динамики нет. Тем более при исследовании Вашего чипа на нем заметили некоторые дефекты. По-вашему, как Совет Шести отреагирует на подобное заявление? При проверке регистрационного номера не было выявлено отклонений

от трафика, но при более подробном анализе компьютер заметил повреждение в области контактов чипа с нейронной сетью.

Чем больше он говорил, тем бледнее становилась Илерия.

– Если будет обнаружена попытка взлома, то, скорее всего Вашу судьбу уже буду решать не я, а СБС. Сегодня документы будут переданы бану базы. Он решит, как поступить.

Илерия онемела. Если Служба Безопасности Системы узнает о проблеме, то ее карьере конец, даже больше – ее жизнь будет окончена либо на виселице, либо в тюрьме.

– Нет. Ты не можешь! – она схватила доктора Джеймса за рукав. – Ты не скажешь им! Ты ведь знаешь, что будет со мной!

– Я даже не буду пытаться скрыть это! – он не смотрел на нее. Ему было сокрушительно стыдно.

– Этот дефект... – голос Илерии стал ровнее. – Что с ним именно?

– Пока ничего не известно, но будьте уверены СБС сможет разгадать эту загадку, – сказал доктор Джеймс. – От того еще опаснее скрывать подобное. Это нарушение закона. В лучшем случае за это грозит виселица.

– Эти остолопы слишком тупы, чтобы понять мою ситуацию, Артур! – Илерия прошла по палате и вновь схватила его, заставляя повернуться к себе. – Ты же сам говорил, что СБС не заметили ничего подозрительного! Просто отзови документы!

– Нет.

– Все что ты знаешь, Артур, дано мной! Ты даже вида крови боялся!

Доктор Джеймс поморщился и тут же отвернул от нее свое лицо. Он никогда не смотрел, когда она лично бралась за работу. Все это вызывало у него лишь рвотные позывы.

– Мне было мерзко то, что Вы делали с ними.

Ее брови дернулись в удивлении. Через мгновение на лице Илерии появилась злая ухмылка, еще более страшная от синевато-белого шрама.

– Так как ты умудрился получить эту должность? А, Артур?

Ее волновал этот вопрос. Маленький маменькин сыночек всегда был посредственным на фоне однокурсников. Илерия даже не могла назвать имя «Артур» без ноток омерзения из-за той слабости, что исходила от его хозяина.

– Так как? Мама купила кого-то из банов? Кто из правления базы решился на такое?

Доктор Джеймс злобно осклабился:

– Вы всегда думали обо мне, как о мелкой занозе под Вашими великолепными ноготками! И все потому, что я работаю по-другому?!

Илерия указала на папку:

– Все это – ошибка. А если и нет, то система безопасности не распознала ее.

– А если узнают?..

– Дай мне время, и ты получишь не только должность бана, мой мальчик, но и возможность подняться выше.

Доктор Джеймс напрягся. Его пальцы, сжимающие папку, побелели. Одна только мысль о власти вызывала у него обильное слюноотделение.

Илерия знала его тщеславную душонку. Он желал золота, но был настолько слаб, что и за несколько жизней не доберется до вершины. Эта белая лестница усыпана змеями. А он боялся змей, но больше всего он боялся убивать их. Но не Илерия Грей... и ему это прекрасно известно.

– Ты всегда любил подтасовывать данные, Артур, – шепнула ему на ухо Илерия. – Так почему не сделать этого и сейчас?

Доктор Джеймс все еще с сомнением посмотрел в черные от волнения и искушений женские глаза. Ему хотелось испить из кубка, что она предлагала. Илерия Грей – единственная, кто никогда не одобрял его, и вот, настал тот день, когда он сможет добиться чего-то ее руками.

Илерия видела все. В этих блеклых глазках песочного оттенка она всегда могла прочесть любую закромную мыслишку. Он хочет воспользоваться шансом.

Ее тонкие губы растянулись в усмешке, и доктор Джеймс воспринял ее как обещание.

– Одними открытиями не получить места в кресле совета, госпожа Грей, – наклонившись к ее лицу, сказал он. – Я не могу Вам доверять.

Он чует ароматную наживку, плавающую у самого его носа. Илерия с удовольствием стала подманывать эту глупую рыбу ближе, чуть подергав за удилище:

– Я знаю много секретов, мой мальчик! – сказала она. – Я у тебя на поводке и ты можешь сдать меня, если пойдет что-то не так. Я права?

Глазки забегали. Доктор Джеймс умен, он примет ее помощь, но сможет ли он понять, что проглотил крючок, а не затянул поводок на чужой шее? Вот она, слабость системы – ее граждане.

– Кто сейчас бан научной базы Зес?

– Виктор Беркли.

Все также он. Этот человек мастерски удерживается на своем месте, хотя его воззрения на систему противоречат законам. Илерии всегда было интересно, кто же стоит за Виктором. Кто тот человек, что прикрывает его зад, пока он проводит лекции в лучших университетах, говоря, что современный мир не слишком идеален. Он мечтает об утопии и ненавидит таких, как Илерия Грей. Он всегда считал ее крысой, падальщиком, не пугающейся проглотить тухлый кусок плоти.

– Ты можешь занять его место, если хочешь, – она облизнула губы.

Сладкие речи во имя спасения. Эта лестница со змеями для Илерии прекрасное место для прогулок. Она любила откусывать врагам головы. Но сначала она напевает им сладкие

песни:

– Решайся.

Глава вторая

Тонкая линия подводки ложилась на веко вдоль не слишком густых, но и не жидких ресниц; жирная тушь, светлая помада, тон, скрывающий шрам.

Илерия смотрела на себя в зеркало в свете призрачного утреннего солнца. Безмятежное лицо, правильно подчеркнутое макияжем, стройная фигура в черном костюме. Красная рубашка с высоким воротником под самое горло, застегнутым на ремешок сбоку.

В тишине дома еле слышались звуки текущей по трубам воды. Они напоминали страшный шепот, от которого пробежал холодок, стоило только прислушаться.

Илерия закрутила волос в пучок, закрепив шпильками.

Прикрыв глаза, она постаралась сосредоточиться на звуках, преодолеть давление, пульсирующее в черепной коробке. Она сжала пальцы в кулаки. Руки дрожали. Анна все еще перед глазами, не боящаяся маминога заклинания, но боящаяся утреннего солнца. Кто она – этот ее кошмар – Илерия судорожно гадала, представляя те месяцы в плену. Может, то была ее сокамерница, может, ее мучитель?

Она смутно помнила Анну. Рваные кадры в черном ореоле. Илерия пережила в голове не одну историю, поведенную ею. Словно сама являлась частью существования вне Звезды, прячась по бункерам Заграницы.

– Почему мне больно? – спросила она, упираясь взглядом в линию шрама.

За ухом выбился выющийся локон. Брови дернулись. Задрожавшими пальцами она вернула его на место.

Развернувшись на носках, Илерия вышла из ванной. Комнаты стали почти чужими: зеленоватые обои казались холодными; современная мебель торчала прямыми углами; шторы на окнах слишком тяжелые и темные.

«Я отвыкла,» – мелькнуло в голове Илерии. – «Просто отвыкла».

Она пыталась сохранять привычки. Ее жизнь всегда была такой и должна оставаться, течь так же, как и вода по трубам. Илерия не могла позволить жизни свернуть со своего направления. Только здесь водилась ее любимая рыба. Ее так легко обмануть, подманить и подцепить на крючок.

Улица встретила прохладным осенним ветром, вытянувшись в две стороны широкой дорогой. Обставленная по бокам комфортабельными белыми домами с искусственными зелеными лужайками, она еще спала. Здесь всегда тихо. И это нравилось Илерии. Высоко в небе собирались тучи, скрывая электрические подтеки на куполе Зес.

Машина уже ждала. Любимый черный форд.

– Госпожа Грей! – водитель поклонился, приветствуя ее.

Илерия не знала его. Ему было лет тридцать пять, рыжий, с хитрым прищуром.

– Меня приставил к Вам совет, – открывая дверцу, сказал

он и опустил взгляд, будто стыдясь своего низкого роста.

– Как тебя зовут? – остановившись, спросила Илерия.

– Маркус.

– В следующий раз никогда не заговаривай со мной пер-
вым.

– Да, госпожа, – он поклонился. Подождав пока она сядет, закрыл дверь машины.

Она приказала отправляться в Собор Шести.

Эта группка управленцев думала над ее восстановлением слишком долго. Настолько долго, что утомила до нервного тика. В руках Илерии сейчас не так много козырей. К тому же она потеряла банальное доверие к себе. Ее дело до сих пор находилось на рассмотрении в военном суде. Но пока им ничего не удалось выяснить, пусть тот мужчина и пролил немного света на всю ситуацию.

Илерия оскалилась.

Единственный человек способный прояснить ситуацию – тот, что спасся вместе с нею. Валентин. Но ее не подпустят к нему. При любой попытке выяснить о нем чуть больше, Илерия терпела поражение. Ублюдок доктор Джеймс сообщил лишь то, что он бывший военный и его дело рассматривает главный прокурор, присланный из Крон-а.

Илерия видела Валентина урывками, когда приходила в себя. Он почти не смотрел на нее, и Илерия помнила лишь его профиль: ровный нос, полноватые губы, каштановый густой волос, сильные руки на руле. Образ запечатлелся в го-

лове расплывчиво. Но и этого хватало, чтобы будоражить сознание. Даже в такой ответственный момент, мысли то и дело возвращались к нему.

Вскоре ффорд выехал из жилого комфортабельного района, вырулив на узкие центральные улицы. Высотки зажимали темные пространства тротуаров, по которым бродили люди, словно вырванные из разных времен.

Зес питался жителями всех социальных слоев. Со стороны казалось, что здесь царит утопия, где каждый равен. Но если взглянуть на эту тарелку, накрытую плащаницей, словно стеклянной круглой крышкой, легко понять, что мир не изменился за эти годы. Даже жестокая война не лишила человечество его привычек.

Илерия всегда жила в Зес. Посетив почти все города системы, она поняла, что только он может похвастаться бростью и скопищами офисных крыс. К коим, впрочем, относилась и она.

Но серым Зес был лишь днем, ночью же становился неоновым. Он не переставал жить никогда, лишь на пару часов перед рассветом все засыпало: с четырех до шести городская суэта угасала. Два часа комендантского времени.

Илерия смотрела из окна машины, как смотрят на что-то неизмеримо блеклое. Даже лица не оставались в ее памяти. Ничего особенного, лишь пару ярких юбок и пальто за всю дорогу зацепили внимание, пока она не приехала к подножию величественного Собора, прятавшего в своем лоне вла-

стителей жизни этого города.

Высокие колонны уходили далеко вверх, подпирая аркатурный пояс с изображением благ Зес: в центре шесть фигур, восседающих в креслах, обращенных лицами к зрителю, а по бокам, словно в клетках, древние мифологические монстры, скалящиеся и пугающие.

Храм человеческого спокойствия, – так называли Собор Шести. Но на Илерию он давил и отталкивал. Невероятные размеры каменных стен и окон, ажурных из-за решеток и ярких из-за витражей и мозаик. Вычурно, антично, захватывающе.

Белые ступени. Сколько же на них было отрублено змеиных голов! Оказаться одним из шести достойно всеобщего божения и страха. Ты можешь итаться Богом, если твоя голова не слетела с плеч, пока ты карабкался по мрамору этой лестницы.

Маркус открыл дверь, и Илерия, не давая себе послаблений, вышла, сжимая в карманах длинного пиджака пальцы в кулаки. Она не привыкла, чтобы кто-то хоть краем глаза видел ее волнение.

Она вступила на первую ступень, потом на вторую. Каждый шаг давался ей с трудом, – словно ноги не желали отрываться от белоснежного мрамора.

Илерия была готова на все, чтобы ей вернули ее место. Привычка к роскошной жизни бана осталась прежней. Ведь когда-то у нее были власть, деньги. Она тонула в этих на-

слаждениях, хотя второе ее волновало меньше, чем первое. Но любви к ним это не умоляло. Работа приносила удовольствие, она жила ею, пользуясь своими методами. И будь проклят этот Совет Шести, если они встанут на ее пути. Они сами окажутся в клетках, куда запирали врагов системы.

Илерия остановилась между двух колонн. Она была здесь и раньше, но сейчас они угрожающе нависали над ней, такой миниатюрной на их фоне: черная муха на мраморном белом полу. И позади этих великанов, на теле стен, уносящихся далеко вверх, трехметровая дверь. Даже два льва, горельефом выступающие из ее плоскости, символизирующих двух правителей всей системы, не помогали ей вписаться во все великолепие.

Отворилась дверь. Внутри стоял дворецкий в безупречном белом костюме, под стать всему Собору. Седой как снег волос убран в хвост, что визуально делало бледное лицо, давно не видевшее солнце, еще худее. Он служил здесь давно, все предыдущие разы Илерия видела его, и он не обмолвился с ней и словом, блюдя правила, предписанные профессией. Все, кто посвятил свою жизнь собранию, мог говорить лишь с членами Шести, со своими Богами, подобно монахам.

Дворецкий отступил в сторону, застыл в поклоне, ожидая, пока Илерия войдет.

Внутри темно, как в склепе, лишь посередине лежал красочный круг света, падающего через витражное окно. Огромные потолки, расписанные фресками. Стены, украша-

ли картины. Древнее искусство соединялось с современным пафосом.

Дворецкий неспешно закрыл за ней дверь и жестом показал следовать за ним.

«Ты не должна нарушить порядок в Храме человеческого спокойствия,» – как-то сказал Илерии ее бан, когда ей выпала честь предстать перед Шестью.

Но в душе Илерии не было благодарности тем, кто подарил ей возможность войти. В ней было лишь чувство собственного достоинства. Ведь именно ее заслуги стали причиной того, что она ступает по раскрашенному витражным светом полу, возносится к палате собрания на лифте, где есть места на десяток человек, но где, возможно, никогда не находилось более одного за раз.

Дворецкий вызвал лифт. Дверь открылась. Здесь Илеррия будет краткие десять секунд, отсчитываемые тонкими часами на запястье. Мамины часы: серый ремешок, круглый циферблат, две винтажные стрелки и одна тонкая как игла.

Внутри пахло благовониями. И ни единой кнопки, – все управление ведется изнутри.

...Семь, восемь, девять. И только тонкая игла стрелки отсчитала десятую секунду, дверь отворилась. Илерию встретила невысокая девушка, облаченная в тот же белый цвет, лишь волосы черны и убраны в косу. Она низко поклонилась, указывая рукой вперед.

Девушка шла позади, не так как дворецкий. Она была

словно тень Илерии, уже не обращавшей внимания на великолепие пейзажей в рамах, высокие вазы, синеватые из-за узоров, овивающих их пухлые бока. Скульптур, подпирающих две колонны у дверей, ведущих в палату собрания. Две химеры с трудом удерживали на своих могучих спинах потолок.

Торшеры тонкой работы разбрасывали призрачный красноватый свет вокруг себя, лежащий нимбами на стенах.

Илерия остановилась, не доходя до дверей несколько шагов. Она должна ожидать, пока ей не позволят войти.

Посмотрела на часы. Точна, как всегда. Не раньше и не позже.

Девушка обошла ее и, повернувшись к ней лицом, выставила ладонь перед собой, давая знак ожидать.

Она смотрела прямо ей в глаза. Уверенная, статная, пусть и не такая высокая, как Илерия, но непоколебимая. Не вздрогнула ни на секунду от прямого зрительного контакта. В другой ситуации она могла вызвать уважение, но не сейчас, когда судьба одной из них решалась: пан или пропал.

Верхняя губа Илерии дрогнула, выдавая внутреннее недовольство подобным поведением служанки.

Лицо девушки оставалось бесстрастным. Лишь когда она отступила вбок, открывая дверь, отвела взор. Илерии помешало, что она увидела там презрение. Что ж, это было не редкостью.

За длинным столом было шестеро. Все одеты в синие

одежды. Крайним слева, горделиво задрав лысеющую голову, устраивался на подушке дряхлый г-н Эльмар. Рядом с ним всегда сидела моложавая г-жа Мария, стремящаяся выставить себя эдакой овечкой на фоне волков. Но Илерия прекрасно была осведомлена об ее «овечьем» нраве. Эти тонкие пальчики подписали немало смертных приговоров.

– Проходите, госпожа Грей, – заговорил крайний справа высокий, аристократического вида г-н Лукас, кутавшийся в свой синий плащ. В высоких потолках гулял сквозняк, гоня забравшихся через тонкие окошки воробьев.

– Мы рады видеть Вас в полном здравии! – тепло улыбаясь, заговорила г-жа Мария, поправив очки на своем маленьком курносом носике. За тонкой оправой ее оленьи глаза выглядели еще более огромными. Она переглянулась с г-жой Жизель Арконской, той, что представляла интересы Крона, самой молчаливой из шести, говорящей лишь последнее слово и выглядящей как королева в дорогом синем: одна рука на столе, вторая на колене; светлый волос убран в высокую прическу; глаза небольшие, но пытливые, почти черного цвета.

– Доброе утро, Совет, – Илерия почтительно поклонилась и прошла к указанному ей креслу: высокая спинка, обитая, как и сиденье, белым бархатом; ровные лакированные подлокотники; чуть изогнутые кнаружи ножки. Лишь получив позволение она села в него, сделав вид полной покорности, сложив руки на коленях.

Она обвела взглядом каждого: г-на Эльмара; г-жу Марию, г-на Нортон, г-жу Жизель Арконскую, Виктора Беркли и г-на Лукаса.

Виктор. Теперь он добрался и до Собрания Шести. Илерия умело скрыла свое удивление и одновременное разочарование.

Он все время теребил воротник рубашки, оттягивая его от тонкой шеи. Серые седые волосы смотрелись пыльной шапкой, по которой Илерия неудержимо сильно хотела ударить.

– Пока Вас не было, Виктор присоединился к нашему скромному собранию, – г-жа Мария горестно покачала головой, – Никос скончался при трагических обстоятельствах. Вы, наверное, уже слышали об этом?!

Илерия отрицательно покачала головой. Доктор Джеймс старательно скрыл от нее данный факт. А за те дни, что она провела дома, ни разу не слышала новостей о г-не Никосе, как оказалось уже покойном.

– Я слышала, что господин Беркли все так же остается баном научной лаборатории?

Это была новая для нее политика. Ранее член Совета не имел права на практику, тем более научную.

– За время Вашего отсутствия многое поменялось, госпожа Грей, – вялым голосом, требующим прислушиваться к себе, сказал г-н Нортон. Его черные волосы, завиваясь в блестящие локоны, ложились на худые плечи. Хотя по виду Иле-

рия не дала бы ему и сорока пяти, она знала, что он самый старший из присутствующих здесь. Этот человек достоин уважения. – Господин Беркли заслужил наше доверие, и Вы без труда можете называть его своим другом... как прежде, – он спрятал руки в карманы камзола. – Вы ведь были ранее друзьями, не так ли?

Виктор Беркли засмеялся:

– Она всегда пыталась меня наставить, – его мутные карие глаза смешливо сузились. Илерия видела в этой улыбке больше чем насмешку. Этот чудик слишком радикален для собрания. – Боюсь, после плена она станет еще более нетерпелива к моим мнениям.

«Ты чертовски прав, Виктор,» – подумала Илерия, скромно улыбаясь и тупя взгляд. Ему прекрасно бы подошла свернутая шея. Он станет ей другом лишь тогда, когда его душонка отлетит в другой мир.

– Если мне будет позволено звать его другом, я буду польщена, – выдохнула она, алая от собмтвенной лжи.

– Ну что Вы?! – Виктор прикрыл рот, подмигнув г-же Марии.

– Но все же, госпожа Грей, как Вы себя чувствуете? – спросил г-н Лукас, заглядывая в ее личное дело. Неон света компьютера делал его лицо еще более вытянутым, похожим на череп без плоти. – В Вашем деле указано, что Вы некоторое время находились под воздействием вредоносной среды, – Илерия побледнела, на миг прокляв ублюдка док-

тора Джеймса, – но никаких изменений это не повлекло. Вы невероятно сильная женщина! – улыбнулся он, подняв на нее взор. Белки его глаз белели в темных провалах теней.

– Расскажите нам, как Вы попали в плен? – спросила г-жа Жизель.

Брови Илерии на миг сошлись на переносице. Дрожащие пальцы метнулись к волосам. Этот чертов локон вновь выбился из безукоризненной укладки.

«Рассказать,» – металась мысли в ее голове, – «Что я должна им рассказать?»

Она ненавидела повторять собственные слова. Но Совет заставлял ее делать ненавистные вещи снова и снова.

– С самого начала, госпожа Илерия Грей, – сухо отрекомендовал г-н Нортон. – С самого начала.

Илерия сглотнула. Муть давно легла на ее воспоминания. Одного только желания было мало, чтобы разворошить свою память и достать их на свет.

То была весна. Март.

– Тогда я была баном в главной лаборатории, – начала рассказ Илерия. – Прошло ровно полгода как меня назначили на эту должность. То было шестое или пятое число, точно не помню, я получила приказ от Совета Шести отбыть на исследование заграничной зоны по направлению запад-восток. К моей группе, которая состояла из трех человек, не считая меня – Джордж, Сара и Рита, – приставили военных под командованием майора Хэрисона.

– Что именно Вы должны были исследовать? – спросила г-жа Мария.

– Я выявила у одного из испытуемых интересный штамм вируса. Его структура была схожа с мутацией, обнаруженной задолго до этого. То был ретровирус. Он имел очень большое значение для проводимых мною разработок.

Илерия помнила, как в ее лабораторию привели трех новеньких пленных, задержанных на территории близ станции Роуз, в направлении Сэсан. У одного из них она и обнаружила этот вирус. Капсула ДНК имела необычную форму.

– Тот подопытный, как я помню, скончался, – сказал Виктор, прищурившись. – Вы слишком рьяно резали бедного мальчика.

– Сколько лет ему было? – спросила г-жа Мария. – В деле указано, что семнадцать. Но г-н Беркли утверждает, что ему было не больше пятнадцати.

Илерия бросила короткий взгляд на Виктора. Закружилась голова. Отрицательные чувства вновь брали верх, пальцы сжались в кулаки.

– Подопытный был слаб, потому и казался младше своих лет.

Виктор хмыкнул.

– Он погиб, когда мы пытались выявить дополнительные функции вируса, но организм не выдержал. Мы получили достаточно материала данного штамма, но Совет принял решение исследовать его в родной среде, поэтому мне было

приказано отправится в место, где и были задержаны эти три террориста.

– Ясно, – кивнул г-н Лукас. – Что стало с двумя другими? Они погибли?

– Нет, один остался жив. В его организме не было обнаружено никаких отклонений. Но думаю, его казнили, уже был назначен день суда.

– Только у Вас был доступ к секретной информации, или же у всей группы? – тут же спросил г-н Лукас.

– Часть информации была доступна лишь мне, – Илерия вздернула подбородок. – Я полностью следовала предписаниям.

– Тогда как Вы объясните, что сепаратисты узнали про эту операцию? – Виктор даже привстал. – Кто-нибудь из Вашей команды вел себя странно?

Илерия покачала головой, отрицая эту возможность. К сожалению никаких отклонений в поведении она не заметила. Все вели себя как обычно, по крайней мере, ее команда, а вот майор Хэрисон и его подчиненные были ей ранее не известны. Поэтому судить об их нормальности она никак не могла. Об этом тут же поведала, но получила лишь недвусмысленное недовольство:

– Разве Вы не изучили их данные перед началом операции? – вот г-жа Мария и оскалила зубы.

– Изучила, – Илерия хмыкнула. – Я до сих пор помню их дни рождения и дни рождения их самых близких. Мне

не свойственно упускать детали, г-жа Мария.

Ее это задело, Илерия видела. Виктор откинулся на спинку кресла и спросил:

– При открытии коридора Вы ничего не заметили?

При открытии коридора? Чем ближе она подбиралась к тому моменту, как их подорвали, муть на воспоминаниях становилась все более плотной и тягучей. Вкус крови вновь вернулся на ее язык: сладковатый, отдающий металлом, словно пришлось лизнуть ржавый кусок железа.

Когда они приехали к месту открытия коридора – две мили в сторону Сэсан – высоко за куполом, нависающим над шоссе, светило солнце. Ослепительно белое, расплывчатое и огромное. Потoki электронов купола создавали эффект маслянистых пятен.

Майор Хэрисон тогда начал шутить слишком рьяно. Илерия не помнила, когда в последний раз так смеялась. Ее живот болел, а Джордж, Сара и Рита лишь недоуменно косились на нее.

Она никогда не видела такой охраны, как в тот день. Но к счастью никаких атак террористами предпринято не было. Все формальности были улажены за несколько часов. Ее команде выделили оружие, проведя небольшую лекцию по его использованию, наведя на всех присутствующих скуку. Илерия помнила, как Джордж зло комментировал наставления старого оружейника, показывающего все кнопки на ружье.

Все, кто связывает свою жизнь с наукой, должны были пройти военную подготовку. Хоть они и владели оружием хуже выпускников военной кафедры, но все-таки могли без труда перезарядить его, и тем более нажать на курок.

Но оружейник был непреклонен и всем четверым, даже Илерии пришлось съесть всю информацию без всяких исключений.

– На пограничном пункте все было тихо? – г-жа Жизель показала фото на галаграфическом экране. То был пропускной пункт перед коридором, через который они выходили за границу. – Вы знаете этого человека?

Илерия покачала головой.

– Это Эрик Штраутц. Он пропал после того, как мы потеряли связь с вами, – добавила г-жа Мария.

– Я его не помню, – Илерия постаралась сосредоточиться, и тут ее шрам пробило острым разрядом судороги. Ее лицо пусть и ненадолго, но все же исказилось.

– Вам нехорошо, госпожа Грей? – г-н Лукас с интересом вперился в нее взглядом.

– Все в порядке, – притворно сладким тоном ответила Илерия, упрямо выстояв болезненное ощущение.

– Может, все же Вас слишком рано выписали? – спросил Виктор. – Вы что-то слишком бледны.

– Я давно не была на солнце, господин Беркли.

В тот момент, когда она хотела добавить еле заметную колкость, г-жа Жизель вывела на экран другое фото. Там

этот же мужчина стоял уже около Илерии и что-то объяснял ей.

– Вам показать все видео, госпожа Грей? Или Вы все же сможете вспомнить его? – спросила она.

Она припомнила эту шляпу. Но ведь такие были почти у каждого работника на пересадочных станциях по всем линиям шоссе. Другое дело, что он делал бы в закрытой зоне?

На фото можно было различить прямой нос, тонкие губы, спрятанные в курчавой темной бороде, средний рост, одежда из поношенной ткани. Этот платок в его руке.

– Как я понимаю, Вы его не помните? – г-жа Жизель не то спросила. не то подытожила.

– Я что-то припоминаю, но дальше все события словно в тумане, – призналась Илерия. – Я помню этот платок. Кажется, этот мужчина что-то говорил про Гремучую облачность, но что именно...

– Этот человек не имел допуска в ту зону. А Вы единственная с кем он имел контакт, – заявление г-н Нортона прозвучало как обвинение. – Кто он, госпожа Грей?

– Я не помню! – взвизгнула Илерия.

«Будь проклята!» – не это ли прокричал тот мужчина? – «Да чтоб тебя переварила Гремучая Змея!»

Илерия побледнела, даже не слыша слов, что говорила г-жа Мария г-ну Нортону. Она начинала припоминать этот низкий голос, потрепанную шляпу.

– Его сын... – начала Илерия.

– Да?! – глаза г-жи Жизель все это время были направлены лишь на нее.

– Он что-то говорил про своего сына. И проклинал меня... кажется.

– Его сын Гавриил работал в Вашей лаборатории. Он погиб, когда по неосмотрительности из лаборатории пытался сбежать подопытный. Тот его просто загрыз.

Каннибал. Да, Илерия помнила тот случай. Тогда погибло пять человек от рук этого мутанта, привезенного по ее приказу с Заграницы.

– Тогда я еще не была руководителем, г-н Беркли, – она прямо указывала на его вину в этой ситуации.

«Я умею крутиться,» – думала Илерия, заметив недовольство на его лице.

– Та трагедия случилась из-за ненадлежащей охраны палаты. Я ведь Вас об этом просила, г-н Беркли, – говорила она кротким голосом, не позволяя себе сорваться или выдать в себе чувство превосходства. – Таким образом, этот человек не на моей совести, уважаемый Совет. Это недосмотр военных.

– Если Вы так считаете, госпожа Грей, – согласился г-н Лукас. – В деле написано, что на Вас напали на третий день после выхода за границу. Это так? – получив утвердительный ответ, он продолжил: «Лиц и количество террористов Вы тоже не помните?»

– Из-за ранения я почти сразу потеряла сознание, – Иле-

рия пальцами провела по своему животу, показывая место ранения. – Рана была слишком серьезной. Единственное, что отчетливо из последнего помню – мысль, что я уже труп, да вкус песка, перемешанный с моей же кровью! Я повторяла прокурору это уже несколько раз. Разве это что-то может изменить?!

– Вы можете еще что-нибудь вспомнить? У Вас было достаточно времени на отдых, – вставил свое слово г-н Эльмар, все это время задумчиво ковыряющий под ногтями серебряной лопаткой для перелистывания листов, – доктор Артур Джеймс сообщил нам о некотором психологическом блоке, что был у Вас после освобождения. Смотрю, Вы еще не справились с ним?

Желчь. Илерия почувствовала ее даже на собственных губах, пытаясь не ослабиться на слова.

– Не желаете ли Вы пройти курс реабилитации у доктора Азимова? – Виктор улыбнулся.

Пальцы Илерии непроизвольно сжались в кулаки. Азимов перестраивает психику под требования системы или Совета. Она знала его еще по студенческим годам, когда наблюдала за его работой на практике: его методы потрясающие. Он достоин восхищения, но от его умелых рук стоит держаться подальше, ведь однажды ей уже «посчастливилось» побывать в них.

– Я полностью жизнеспособна, – возразила Илерия. – Совету всегда нравились мои методы работы, проделанная под

моим руководством, всегда приносила результаты!

Илерия чувствовала, что ее уводят ее в другую сторону.

– Моя работа осталась незаконченной, и только я смогу довести ее до конца, – она уставилась на Виктора. – Ведь Вам так и не удалось расшифровать данные, полученные мною за последние несколько месяцев работы? – Илерия прикоснулась кончиками пальцев к виску. – Некоторые вещи есть лишь здесь. Разве Вы не хотите получить одобрение Крон-а?

Госпожа Жизель осталась беспристрастна.

– Вы думаете, мы вернем Вам должность, когда Вы утратили доверие? – спросила г-жа Мария. – Не слишком ли наивно с Вашей стороны?

– Наивно предполагать, что кто-то сможет довести мою работу до конца. Я слишком долго трудилась над тем, что у Вас теперь есть! Я смогу за считанные месяцы снабдить военную отрасль новым оружием.

Илерия обвела всех взглядом:

– Я была в плену. Не я ли должна была утратить доверие к системе? Даже пройдя через этот... этот ад, я доверяю ей больше, чем господин Беркли, известный своими провокационными заявлениями!

Он зарделся. Ему не по вкусу подобные слова. Но надо отдать должное, прекрасно держался.

– Когда Вы познакомились с капитаном Уваровым?

Илерия с удивлением посмотрела на г-на Лукаса.

– Уваровым?

– Человек, с которым Вы спаслись из плена. Валентин Уваров, командир первого отряда Крон. Был взят в плен пять лет назад при зачистке пограничных территорий. По его словам он был в плену неосепаратиста Асарана, так же, как и Вы.

Илерия много раз слышала про этого террориста. Он славился неслыханной жестокостью.

– Это значит... – ее голос дрогнул.

– Нам доподлинно известно, что сам главарь неосепаратистской группы управлял захватом Вашей экспедиции, – заявила г-жа Жизель. – Вы были в плену один год и пять дней, если быть точной.

– Что говорит этот человек, Валентин Уваров? – спросила Илерия, обращаясь лично к г-же Жизель, чувствуя ее предрасположенность верить ее словам. – Как ему удалось сбежать, и почему он забрал только меня?

– Он военный, причем лучший, долгое время был особистом в главной армии, – ответил г-н Лукас. – За его плечами не одно расследование. По его словам, его использовали в качестве раба для опасных работ. В Загранице даже воздух другой, пропитан смертью.

– У него есть какие-нибудь физические или другие отклонения?

– Его дело еще на рассмотрении суда, госпожа Грей, – нетерпеливо пресекла ее г-жа Мария. – Вы не в том положении, чтобы задавать столько вопросов.

– Не думаю, что он отделается так просто, как Вы, – улыбнулся г-н Эльмар. – Трибунал меньше, что может ему грозить. Ну, или лишение всех звезд.

Он говорил это с наслаждением, растягивая каждое слово.

– Он спас мою жизнь, Вы должны принять это во внимание! – сказала Илерия. – Как военный, он должен был знать, что его ждет здесь, но он все равно вернулся, желая спастись!

«Гребаные твари!» – хотела она плюнуть им в лица, но крохи самообладания все еще сохранились. Хотя обещали раствориться, если они продолжат.

– Вы считаете, что Ваша жизнь настолько ценна? – Виктор ухмыльнулся.

– А по-Вашему это не так?

Г-н Лукас поднял руку, желая прекратить разгорающийся спор:

– У нас не так много времени, чтобы решать чужие судьбы, господин Беркли, – он вновь обратился к Илерии. – Вы подавали запрос на восстановление в должности, не так ли?

– Да.

– Вы выдающийся ученый, и, как уже было сказано, Ваши методы и преданность очень помогли в развитии науки. И хотя некоторые из нас против Вашего восстановления в должности, мы все же решили дать Вам шанс.

– Спасибо! – Илерия чуть было не подскочила для поклона, но была остановлена г-жой Жизель:

– Но у нас есть одно условие. Вы должны пройти курс док-

тора Азимова. Один-два месяца, не более.

Сердце ухнуло, упав куда-то в желудок.

– Он Ваш коллега, и с радостью возьмется Вам помочь, – добавила г-жа Мария, выказывая свою усталость коротким зевком, спрятанным за ладонью.

– Когда я могу приступить? – спросила Илерия.

– Сегодня вечером Вам будут переданы документы, и, как только рассмотрите их, можете приступать.

– А теперь Вы можете идти.

Они встали. Г-н Нортон ударил пальцами по звонку. В зал вошла служанка и пригласила Илерию к выходу.

– Жеманные черти, – прорычала себе под нос Илерия, только двери Собора Шести закрылись за ее спиной. – Они дают мне испытательный срок, что ли? Ха!

Подобное отношение было для нее унижительно. Она была уверена, что в подобном виноват именно Виктор Беркли. Трусливый павлин.

Он решил переварить ее и смешать с компостной кучей всего того дерьма, что втирал своим студентам на дешевых лекциях. Гуманизм, права человека! Пусть подавится ими и издохнет где-нибудь в сточной канаве!

– Домой! – рявкнула она, усаживаясь в машину. – Советую поторопиться!

Когда автомобиль сдвинулся с места, она достала из бара бутылку виски, плюхнула добрые полстакана и тут же выпила.

Они решили сыграть на ее нервах, даже не подозревая, что в ее голове уже начал созревать план.

Глава третья

Илерия вздохнула, позволяя себе расслабиться. Тело, особенно спина, ныло. Постепенно в голове стал униматься гвалт мыслей, оставляя место разрывающей мигрени.

Кружка, из которой была выпита не одна порция кофе, была пуста, а папок, присланных из лаборатории, оставалось еще много.

Прикосновения сквозняка начали вызывать у Илерии зябкость. Поэтому она, преодолевая лень, поспешила закрыть окно. За ним, выходящим в сад, было уже темно, только у летнего домика у самого края участка желтел, вызывая приступ воспоминаний, свет. Именно так светило солнце через потоки песка.

Рука скользнула к животу. Пусть там почти не осталось шрама, неприятное чувство все же захватывало до самого основания, холодя тело.

– Так хочется спать, – широко зевая, сказала своему нечеткому отражению Илерия.

Улыбнувшись, она представила спокойную ночь, где не будет этого пугающего образа, этих голубых глаз. Выход найдется, сейчас или потом, главное, как она думала – остаться в здравом уме.

Вернувшись за рабочий стол, Илерия открыла следующую папку.

Опять становилось жарко.

Часы на стене, винтажные, как и многое из мелочей в этом кабинете, отсчитали двадцать минут пятого: тик-так, тик-так.

Единственный звук смешивался с шелестом прозрачной тюли. Сквозняк без преград гулял повсюду, задевая страницы в открытой папке; свисающий край брошенного на спинку софы пледа; волосы мирно спящей за столом Илерии.

Она распахнула глаза. Уснула прямо в кресле, не успев просмотреть еще несколько документов.

Резко выпрямившись, Илерия уставилась на колышущуюся от ветра ткань. Озноб пронзал ее тело острыми коготками. На мгновение ее охватила паника, но она поборолла это чувство, списывая все на невнимательность. Встряхнув головой, встала, закрыла створки. Все так же по привычке постояла около него с минут. И лишь потом направилась в ванную, желая принять душ.

Резкий электрический свет на мгновение ослепил, заставив прикрыть глаза.

Скинув одежду, Илерия настроила воду и встала под теплые струи. оперевшись рукой о кафель стены, наклонилась и посмотрела на свой живот: беленькие, тонкие почти незаметные линии шрама расходились цветком, не вызывая никакого дискомфорта даже при нажатии.

Не находя в себе силы дотянуться до шампуня, она просто

стояла, рассматривая шрам и думала, что уже долгое время не спала так крепко. Сон придал ей сил.

Если бы только он позволил справиться, выкинуть из головы те глупые страхи.

Волки вышли на охоту.

Анна говорила, что Илерия похожа на одного из тех каннибалов, что ползают по запечатанным отсекам Асаран-а: ее голова думает лишь в одном заданном направлении и само ее существование бессмысленно.

– Жрешь мясо живых, не в состоянии учуять падаль, – запрокинув голову, Анна посмотрела на потолок, размяла шею. – Вряд ли ты понимаешь, кем являешься. Сколько нам осталось лет, по-твоему? Пятьдесят? Сотня? – она рассмеялась, сжимая в пальцах фотокарточку. Вот уже несколько недель всегда приносила ее, но не показывала. – На твой век бы хватило.

Ее голос глухой и одновременно с дребезжанием. Юношеская звонкость окрашивала слова в какие-то нелепые краски. Но каждый день Анна разговаривала с ней, вырывая из постоянного круговорота то ли снов, то ли воспоминаний. Быть может, поэтому Илерия видит ее. Она не помнит, чтобы в те дни хоть раз слышала какие-либо другие звуки. Даже шагов или шелеста.

Илерия, как и большинство людей, раньше спокойно от-

носились к зеркалам, но после плена возникла ненависть. Смотреть в него и видеть другого человека. Не понимать, сон это или же реальность.

Всю жизнь ее окружали болезни, уничтожающие не только тело, но и разум, превращающие мозг в кисель. Может, и ее мозг давно стал им?

Шепот труб снова обретал голос, и, если бы Илерия постаралась, то смогла бы различить отдельные слова, но лишь в тишине, где-то в стенах. И он смешивался с другим шумом. Словно кто-то был в доме. По телу пробежал озноб.

В доме раздались приглушенные шаги. Илерия не сразу сообразив, наспех натянула рубашку. Бросившись к стоящей у раковины высокой тонкой вазе, она взглядом скользнула по отражению в зеркале. Светлые кудри. И, словно забыв обо всем, Илерия обернулась. Из отражения на нее смотрел ее ночной кошмар. Лишь она увидела ее лицо, то тут же пронзенное болью тело ослабло. Вцепившись пальцами в округлые бока раковины, она уставилась в него, преодолевая спазмы в животе, не замечая уже ничего, кроме бесстрастного милого, но такого пугающего лица.

По щекам скатились крупные капли слез. Все тело словно пронзили острые ножи, раскаленные докрасна пламенем: они резали ее плоть и выжигали невероятные зигзаги. Сердце не билось как сумасшедшее. Оно пропускало удар за ударом, кожа начинала синеть от напряжения мышц. Искаженное лицо напоминало маску грешника, брошенного в огнен-

ные реки ада.

Илерия не могла бороться. Она терпела. Ждала, когда эта златовласая ведьма покинет зазеркалье и оставит ее наедине только с собственным отражением.

Раньше голубые глаза смотрели, не моргая, всегда прямо. Лишь мертвое изображение. Ночь, каждую ночь оно заставляло Илерию смотреть лишь на себя. Но не сейчас: Анна отвела взор. Чуть вбок.

– Смотри на меня, проклятая ведьма! – закричала Илерия. – Смотри!

Но голубые глаза продолжали смотреть ей за спину.

– Ты слышишь меня? Смотри на меня! – сквозь судороги, пронзающие каждую мышцу, сквозь сковывающую слабость, она схватила с полочки стакан и ударила по отражению. – Сдохни, тварь! – крупные осколки, падая, разбивались на мелкие. Но голубой глаз на оставшемся в раме куске зеркала все так же смотрел прочь.

Илерия медленно обернулась. Тупой удар сшиб ее с ног. На секунду потеряв сознание, упав на пол, она громко выдохнула. Ее лицо вытянулось от удивления.

Первое, что она увидела – шляпа: коричневая и потертая.

– Ты больная, – глухой голос шипел. – Я надеялся, что ты сдохла, Илерия Грей! Но тебе же хуже, тварь!

– Почему?! – она, правда, не понимала, как этот мужчина оказался в ее доме, зачем сейчас ее куда-то тащит, сжимая жилистыми пальцами лодыжку. – Ваш сын...

– Заткнись! – Эрик Штрауц был без бороды, но все в нем было прежним. Столкнувшись с ним так, Илерия вдруг вспомнила, как испугалась в тот день. Его ненависти, желания ее смерти. Ей было плевать, что рубашка задралась до самого горла, обнажая мокрое тело, что кто-то увидит кусочек ее сумасшествия, что, в конце концов, из раны на голове, пульсируя, течет кровь. Но она желала поскорее избавиться от слабости и суметь вырваться из грязных мужских рук.

Пелена крови, стекающей по лицу, начинала застилать глаза. Боль вертелась в ее теле огромным, непомерным зародышем, готовым жить собственной жизнью.

– Ты убила его! – он отпустил ее ногу, с силой откинув в сторону. – Ты убила моего сына!

– Я не убивала, – Илерия пыталась подняться или хотя бы сесть. Но окровавленные руки скользили по паркету, а голова кружилась, смешивая низ и верх в единое закрученное спиралью полотно.

– Не убивала? – спросил он. – Этих монстров ты притащила в наш город! Габриелю был только двадцать один год!

– Я не убивала!

С трудом различая его силуэт, она пальцами терла глаза в надежде избавиться от кровавой пелены.

– Ты не настоящий, – губы Илерии еле двигались. Она, лежа на холодном полу под гуляющим по дому сквозняком не верила в то, что это происходит с ней. СБС бы позволила

ему зайти так далеко.

Эрик Штрауц поставил палку, что держал в руках, ей на живот и оперся. Илерия начала задыхаться, корчась и скребя по деревяшке пальцами, заноса под ногти занозы.

– Я самый что ни на есть настоящий! – он не смеялся. Ему было не смешно. и это заставляло паниковать еще больше. Илерия не могла понять, получает ли он удовольствие от того, что делает, или же ему плевать.

«Илерия, думай!» – но было невыносимо даже открыть глаза. А палка. Она слишком сильно впиалась в кожу. Сползшая от попыток подняться ткань ночной рубашки пропитывалась сукровицей в месте давления. – «Прошу, думай!»

Волки вышли на охоту.

Взять себя в руки сейчас оказалось сложнее. Илерия хотела освободиться от него. Она пыталась вспомнить все, чему ее учили на военной подготовке в академии, пыталась сконцентрироваться.

– На твоих руках столько крови... ты хоть раз испытывала угрызения совести, отнимая чью-то жизнь? Хотя бы в первый раз?

Губы Илерии исказились в усмешке. Он – слабак. Ему никогда не понять ее работы. Черт, да он не сможет ее убить! Даже ради сына, ради мести, ради собственного достоинства. Эта мысль подарила эйфорическое наслаждение от соб-

ственной силы. Он всего лишь говорит. Задает много вопросов, оттягивая желаемое словами.

– Так убей меня! – сквозь смех выплюнула Илерия вместе с кровью.

Где-то рядом лежал осколок стакана. Он выпал из рук, когда Эрик Штрауц притащил Илерию. Но она не могла даже оглядеться по сторонам из-за ощущения, что палка скоро проткнет ее насквозь, пришилив к полу.

Эрик Штрауц выпрямился, поднеся свое орудие к ее лицу. Если ты собрался убивать, – Илерия это знала, – то нужно убивать сразу, пока жертва не успела опомниться. И хотя ей приходилось иметь дело не с людьми, а с мутантами или с террористами, это правило не раз играло на руку. Пустословы умирают быстрее.

– Видимо, тебе в плену хорошенько промыли мозг, – его губы исказила кривая усмешка. – Будет ошибкой оставлять тебя в живых. Ты же сумасшедшая!

Он занес палку для удара, целясь прямо в ее голову, но Илерия не отводила взгляда.

– Мало ли сколько еще людей ты сведешь своими грязными опытами!

Тупой конец копьем в руках стремительно понесся вниз. Илерия была в доле секунд от того, как ее череп продырявят до холодного паркета. Но ей все же удалось перевернуться на бок. Второй удар хлыстом просвистевшей палки угодил по плечу. Илерия взвыла, упав лицом вниз.

Что-то твердое ударило в бок. Эрик Штрауц начал пинать ее ногами, выбивая воздух из легких, находившейся уже на грани беспамьятства. Красноовато-желтый свет начал застилать сознание.

Она уже не могла дышать, и когда оставалось немного до того, как ее ребра начали бы крошиться от усиливающихся ударов, под руку попал разбитый с одного края стакан.

Острые зубья мягко вошли в плоть ее щиколотки. Он закричал и поварился на спину. Кровь мгновенно пропитала штанину серых брюк.

Илерии это дало время превозмочь боль и схватить вырненную мужчиной палку и с ее помощью встать.

– Я убью тебя! – шипел он, зажимая пальцами рану. Его попытку подняться Илерия пресекла ударом по груди, заставляя вновь упасть навзничь.

«Надо было убить меня сразу» – подумала Илерия, нанося удары то по голове, то по ребрам.

Эрик Штрауц хрипел, плевался кровью. Лицо тут же стало оплывать, краснея в местах ударов, из ран сочилась кровь. Последний удар пришелся в глаз. Древко легко вошло в плоть. Илерия пальцами чувствовала мягкость тканей мозга, пока не уперлась в стенку черепа. Тело несколько раз дернулось и затихло.

Ее живот сводило судорогой, рубашка прилипла к коже, и пришлось оттягивать ее, чтобы избавиться от стесненных движений. От резкого движения тело пронзило адское жже-

ние.

Туман нереальности до сих пор не давал ей очнуться и понять, где она. Златовласая ведьма смотрела на нее из отражения в окне. Руки, рубашка, ноги, лицо в крови. Анна, как и Илерия, сжимала в одной руке древко, опираясь на него.

Труп у ног выглядел несуразно, а за окном в желтом свете стоял летний домик. Схватив тело за ногу, Илерия потащила его прочь, даже не вытащив палку из черепа. Она узнала в ней черенок от лопаты, что всегда стояла у двери.

С трудом протащив труп через лужайку к домику, Илерия засунула его в дальний угол в кладовой. Немного подумав, вернула черенок на место, соединив со стальным штыком, и вошла в дом. На полу чернели разводы крови, идущие дорожкой до самой двери. Илерия в спешке принялась убирать следы кровавой борьбы хлоркой, осознавая насколько опасно ее сегодняшнее положение. Подобная провинность, тем более убийство, не входили в ее планы.

Она могла бы обратиться в органы охраны, но что-то ее останавливало. Ей не доверяют, за каждым ее шагом следят. К тому же у ублюдка доктора Джеймса есть на нее компромат. Он не станет хранить секрет убийцы, а просто сдаст. Ему страшнее за целостность шеи, нежели наличие работы по специальности.

– Сегодня кошмар слишком реален, – Илерия рассмеялась и села. Оперлась спиной о ванну, то и дело прокашливаясь от сгустков крови в горле.

Этот идиот пришел убивать ее черенком от лопаты. Будь она на его месте, то прихватила бы пистолет.

Глава четвертая

Илерия проснулась, лежа на полу в ванной среди зеркальных осколков. Из открытой двери лился свет, падая на лицо ровной молочной полосой.

Резко сев, она посмотрела на свои пальцы. Под ногтями темнели занозы и грязные полосы запекшейся крови.

Потом Илерию вырвало.

Никогда еще она не чувствовала себя так от одной мысли, что кто-то умер от ее руки. Она видела столько смертей, что теперь более удивительной казалась жизнь.

Но все было как и прежде. Добавился лишь рваный ушиб на голове под спутанными от запекшейся крови волосами и саднящий синяк на животе с подсохшей за ночь коркой крови и лимфатической жидкости. Уже потом, стоя в душе, смывая с себя ночной кошмар, Илерия соотнесла свои раны с разбитым зеркалом. Она не смогла совладать с собой, разнесла его стаканом, что нашла в спальне, а может и поскользнулась, приложившись головой.

Уж слишком неясно она помнила эту ночь. Какие-то нерезальные черты имели минуты пережитого страха. Ей привиделся очередной волк не умеющий пользоваться клыками.

Натянув свитер и брюки, Илерия недовольно поморщилась, оценила ущерб. В раме зеркала остались лишь несколько крупных осколков, остальные валялись на полу и разо-

вине; длинная синяя ваза, – самая любимая мамина вещь в этом доме, – также лежала у стены с отколотым краем у горлышка.

Но что-то подсказывало, что все произошло в заправду. Утро оказалось слишком паршивым, чтобы списывать все на чистой воды галлюцинации или нездоровый сон. Перед глазами стояло единственное более или менее четкое воспоминание – размазанная тропой через гостинную кровь.

– Эрик, – Илерия бросилась туда и уже схватилась было за ручку двери, как раздался звонок в дверь. Он сначала, – самым первым резким звуком, – застал ее врасплох, заставив подпрыгнуть на месте и вскрикнуть, а потом и вовсе впасть в странное чувство прострации. Но кто-то за дверью слишком жаждал увидеть хозяйку.

– Открывайте! – мужской голос звучал с одной стороны сдержанно, но с другой ничего хорошего не предвещал. И последнее оказалось верным. – Открывайте, служба безопасности!

Вот тут Илерия запаниковала по-настоящему. Трель звонка звучала все настойчивее, – как и голос, – а времени что-либо сделать у нее никак не оставалось. Потому она неуверенно, но все же пошла открывать.

На пороге стояли трое.

– Сержант Скот, – представился тот, что стоял на верхней ступеньке, наматывая на палец выбивающуюся из-под черной фуражки темную прядь волос. – У нас ордер на обыск

Вашего дома. – И, не дожидаясь ответа от Илерии, они вошли, вручив ей лист, неаккуратно сложенный вчетверо.

Сержант Скот напоминал сморщенный боб: лицо маленькое, выпирающий вперед подбородок и лоб, широко расставленные глаза, один из которых то и дело скрывался за прядью волос, когда палец сержанта переставал теревить ее и отпускал.

На листе стояла подпись г-жи Марии.

– Сука, – зашипела себе под нос Илерия, пробежав взглядом по обвинительному пункту.

– Сержант! – Илерия нагнала его. – Какое ко мне это имеет отношение? Я без понятия, где этот Эрик!

– Он был ночью замечен на территории близ Вашего дома. Собрание Шести считает, что Вы покрываете преступника. – Сержант Скот повернулся к низкорослому напарнику, что обыскивал кухню: «На территории есть еще одна постройка, проверьте там».

– Какого черта? – Илерия с видом полного негодования, возмутилась. – Покрываю преступника?

Она ушам своим не могла поверить. Она больше всех в этом мире ненавидела всякого рода преступников. Из-за таких как они мир пошел прахом и пять великих наций вынуждены прятаться под плащаницей, каждый день страшась, что великая чума террора вновь проникнет в их ставшую, наконец, размеренной жизнь. Да она была готова собственными руками убивать не только сепаратистов, но и каждого,

кто перешагнет линию закона!

Эта тварь Мария. Она своим лживым змеиным языком хотела запрятать Илерию подальше, угождая своим тщеславным замыслам. Она искусно вила свои тонкие паутины вокруг чужих жизней, что никто, даже самый зоркий человек не смог бы обвинить ее в лицемерии.

Но с другой стороны она не смогла бы без доказательств натравить на Илерию СБС. Значит, если Эрик Штраутц утром был замечен, – как сказал сержант Скот, – у ее дома, то...

Илериия сглотнула, почувствовав приступ тошноты, что не осталось незамеченным:

– Вам нехорошо? – Сержант Скот опять накрутил прядь на указательный палец, и слегка подергивая, внимательно заглянул в ее лицо.

– Да. Этот человек как-то угрожал мне. Неужели Вы считаете, что я способна принять его в своем доме? – Спросила Илериия, трясущимися пальцами поправляя все еще влажный волос и гадая, что же ей делать, ведь, судя по всему, в ее летнем домике сейчас будет обнаружен труп. – Черт, да я же старше Вас по званию!

«Боже, я убила его!» – Сама мысль об этом вырывала из Илериии последние крохи самообладания.

– Если он и пришел бы в мой дом, то точно не искать убежища! – Она почти перешла на крик. – Да я не встречала бы Вас живой!

– Если это так, то не вижу повода так волноваться, – сержант Скот смотрел на Илерию с прищуром. Так смотрят ученые на своих крыс, которым ввели какой-нибудь яд и ждут, когда та умрет, перестав, в конце концов, дергаться в мучительных конвульсиях.

– Здесь все чисто. – Из спальни появился ефрейтор, что осматривал дом. – Почему у Вас разбито зеркало в ванной комнате?

– Поскользнулась, – ошетибилась Илерия, но тут же холодно добавила: «После душа».

Желая сохранять самообладание, она представила несколько путей развития событий: они находят труп, ее сажают в тюрьму и вешают; они находят труп и она, убивая их, сбегает, но рано или поздно ее все равно поймают, и, опять же, повесят; она сознается, что он проник в ее дом, тогда ее, возможно, помилуют за содействие. Других вариантов она не могла рассматривать, уже полностью осознав, что ночью воткнула черенок от лопаты в глаз Эрика и спрятала труп в летнем домике.

– Вы до этого сталкивались с Эриком Штраутцем? – Усаживаясь за кухонный стол, спросил ефрейтор, представившийся Томасом Полесским. Рубашка на его плечах опасно натянулась, словно обещая лопнуть под непомерно накаченными мышцами. – Были у Вас еще какие-нибудь контакты, кроме того, что произошел пятого марта? – Он разложил перед собой уже знакомые Илерии фотографии.

– Нет, – ответила она, опасливо прислушиваясь к звукам в доме. Еще не вернулся из летнего домика третий военный.

– Как Вы объясните, что он делал у Вашего дома этой ночью, а именно в половине пятого? Это ведь комендантское время, не так ли? – Илерия кивнула. – Значит, никаких контактов Вы с ним не имели. – Ефрейтор Полесский ненадолго замолчал. – Советую Вам признаться, и, тогда, может, Вас помилуют. Вы же не хотите болтаться в петле в эти выходные?

Умереть – не самая радужная перспектива, тем более для Илерии, всегда слывшей огромным социальным потенциалом. Она одна из первых была в рядах тех, кто поддерживал смертную казнь и вот, скоро сама может угодить в ад. И за что? За то, что защищала собственную жизнь от преступника?

На ней одна вина, – считала Илерия, – то, что она не сдала труп СБС, а спрятала в темном углу, да аккуратно починила разобранную лопату, вернув ее на грядку, не предоставив как улику в полиэтиленовом пакете!

По дому раздались неспешные тяжеловесные шаги третьего военного. Его неимоверно огромные ноги, обутые в тяжелые ботинки бухали так, как ударяют гири, если их опустить на пол с высоты не менее десяти сантиметров. Илерия села. Желание сорваться с места было сильнее ее здравого смысла. Оно червячком поедало мозг.

– В домике все чисто. – Он коротко посмотрел на Иле-

рию с высоты своего маленького роста настолько серьезно, насколько позволяли его хмурые сведенные на переносице кустистые брови, выжженные на солнце до золотисто-рыжего цвета.

Илерия никак не ожидала подобного исхода их визита. Она уже смирилась с тем, что самолично спрятала труп Эрика Штраутца в углу своего пряничного домика.

– Как давно Вы посадили эти цветы? – Спросил сержант Скот, выглядывая в окно, с интересом рассматривая рыхлую землю. – Вы случаем не закопали туда труп Эрика Штраутца?

Этого она бы не сделала даже в крайнем случае.

– Вчера днем, – сказала Илерия.

– Вы уверены? – спросил усатый ефрейтор Полесский.

– Я еще в своем уме, господин Полесский!

Илерия посмотрела на него коротко, желая этим показать, что подобные разговоры бессмысленны и если они хотят и дальше строить какие-то только им известные догадки, то ее дом – не самое подходящее для этого место.

– Госпожа Мария уверена, что Вы имеете к этому человеку непосредственное отношение, – заглядывая ей в лицо, сказал сержант Скот.

– Госпожа Мария умная женщина, но думаю, сейчас она ошиблась, – осклабилась Илерия. – Если Вы закончили – прошу Вас покинуть мой дом, меня еще ждет много работы.

– Вас же восстановили в должности, госпожа Грей? – Улы-

баясь одними губами, сказал низкорослый с кустистыми бровями солдат. – Удивительно, ведь Вы так долго были в плену.

– Пленник – не значит перебежчик.

– У-у! – засмеялся он. – Осторожнее с такими заявлениями! Вы же знаете как это опасно.

– До свидания.

Илерия встала и вышла из кухни, тем самым заставляя «гостей» проследовать за ней. Усач ефрейтор Полесский не торопился, заглядывая еще по разу во все двери, что они проходили, и добавил перед тем, как выйти за порог:

– Если Вам что-то станет известно, прошу сообщить об этом. – Он обернулся на пороге. Илерия незаметно для себя чуть отступила, и с трудом сконцентрировавшись, утвердительно кивнула. – Эрик Штраутц представляет большую опасность за связи с экстремистами.

– Будьте внимательны, – Сержант Скот улыбался и лишь погодя минуту или больше, уже когда Илерия закрыла за ними дверь, ушел следом за своими напарниками.

Теперь Илерия по-настоящему засомневалась в своем здравомыслии. Под волосами у нее выпирала шишка с рваными краями, на животе кровоподтек, под ногтями занозы.

– Лопата. – Она бросилась в сад, к ромашкам.

Лопата стояла там, где Илерия ее и оставляла. На черенке, смешавшись с землей, темнела запекшаяся кровь.

Глава пятая

Больше часа Илерия потратила на поиски трупа. Спрятав оружие убийства, она обыскала каждый угол в летнем домике. Даже спустя три дня, уже выйдя на работу, пыталась вспомнить события той ночи.

Военные СБС больше не появлялись в ее доме, но она понимала, что не останется без присмотра. Чьи-то глаза постоянно следили за ней. Ни Мария, ни Виктор не оставят Илерию в покое, пока на ее шее не затянется удавка. Подпись Марии на ордере дала понять об истинных намерениях Собрания, или, по крайней мере, нескольких из его состава.

На базе, возясь с документами, Илерия периодически проводила осмотр карт пациентов. Некоторых она узнавала, только лишь благодаря своим старым записям, так как лечение изменило их: еще более изможденные, бледные, с посиневшими губами. Умирующие грязные существа.

Доктор Джеймс к ее превеликому удивлению вел себя миролюбиво, всячески давая понять о своей позиции.

– Я рад, что у Вас все получилось.

Но весь его вид говорил: «Я рад, что у Нас все получилось!»

Илерия благодарно пожала его руку, но лишь стоило исчезнуть из поля его зрения, все становилось как обычно: доктор Джеймс превращался в ублюдка доктора Джеймса.

Завернув за угол, Илерия прижалась к стене спиной и, грызя ставшие слишком длинными ногти, уставилась в пустоту перед собой. Пациент с онкологией не перенес лекарство, на которое возлагались огромные надежды, чуть не выблевав внутренности на нее. Но самой большой проблемой был не он, а привезенные сутками ранее мутанты с Заграницы: обычные террористы с отклонениями в развитии. Малоинтересные, ничем не примечательные уроды с умственными отклонениями. Мысли Илерии, закованные в короткие цепи Анны, крутились вокруг столба – Асаран.

Где-то минут двадцать назад, не задумываясь, она подписала документы о утилизации девяти пациентов, решив тем самым оградить себя от дальнейших бесполезных шагов.

Почесав затылок и оттолкнувшись от стены, Илерия чуть не вписалась в Виктора, с любопытством разглядывающего ее. Она не смогла сдержаться и смачно выругалась.

– Здравствуйте! – Он улыбнулся. – Решаете какую-то очень сложную задачу?

– Не делайте так больше! – Зашипела Илерия и, обойдя его, поспешила прочь, но настойчивый вопрос ее остановил: «Стоит ли убийство того?»

Холодок пробежал по спине, забравшись в загривок и сковав мышцы шеи.

Виктор подошел ближе и, заглянув в ее лицо, сделался печальным:

– Вас не гложет совесть?

Илерия похолодела. Каждая клеточка ее тела напряглась под пронизательным взглядом. Крохотное, лишенное четких границ тельце паники зашевелилось где-то в груди.

– Господин Беркли, Вы говорите странные вещи, – ненавязчиво, уклончиво, с улыбкой. Талант говорить словами, не имеющими информации вербальной, но наполненной скрытой – вот, что дала Илерии ее мать, имевшая зависимость от странных и поганых вещей, но при этом всегда оставшейся добропорядочной дамой.

Если этот Эрик Штраутц вновь появился бы в жизни Илерии, то она опять проломила бы его череп. И будет повторять убийство ровно до тех пор, пока его тушу не обглодают крысы или черви, не оставив места еще одному возвращению.

– Если Вам не нужны пациенты, зачем же списывать их? – Брови Виктора и так бывшие вразлет, устремились вверх. – Своими руками подписали смертный приговор девяти ни в чем не повинным людям! – Он зацокал языком.

Опешив, Илерия сначала не нашлась, что и сказать. Неожиданный поворот не дал ей возможности вовремя нажать на тормоз. Она уже на полной скорости мчалась в направлении, где были лишь она, Эрик и обвинения Виктора.

– Пациенты? – Переспросила Илерия.

– А Вы еще кого-то убили? – Удивился Виктор и удалился, насвистывая под нос.

Илерия смотрела ему вслед, гадая, знает ли он про Эрика Штраутца. Если, конечно, узнал, то выбрал другой, отлич-

ный от Марии путь. Он хочет выбить почву из-под ее ног. Вопрос в том, получится ли у него это или же нет.

Если Виктор носит синюю мантию, то это вовсе не значит, что он божий посланник в этом мире.

Мораль и гуманизм всегда претили ей. Добрые старые принципы, вылитые самыми великими просветителями, учили глупости, недалекости и слабости, а Илерия жила среди кровожадных волков и лучше пусть у них на ужин будут соседи, а не она.

Волки вышли на охоту.

– Начала напевать себе под нос Илерия. —

Сегодня у них на ужин соседи,

А завтра может буду я.

– Госпожа Грей, – миловидная женщина с седеющими у висков темными волосами, с покорностью на лице и стеснением приблизилась к Илерии, нагнав ее у самого выхода из крыла. – Вас просил доктор Джеймс к себе.

Что понадобилось этому ублюдку, Илерия не знала. Хотя сам факт того, что он посмел ее беспокоить, а тем более «просить к себе», будил некоторого рода раздражение.

Женщина с седеющим волосом, личный помощник доктора Джеймса, ранее часто попадалась Илерии на глаза. Еще будучи лаборантом в архиве, она вызывала стоическое желание зевать и даже сейчас, неожиданно прыгнув по карьер-

ной лестнице, оставалась все тем же тошнотворно скучным экземпляром без явных талантов. Но ее плюс в том, что она по-прежнему побаивалась Илерию. Несколько лет даже ручки тряслись в ее присутствии. Хотя надо отдать должное – сейчас ее взгляд стал смелее.

– У меня дела, – обнажив клык в раздражении, Илерия чуть наклонилась к женщине, на бейдже которой было напечатано серое, как и ее тапочки, имя. – Так и передайте, пожалуйста, Марта.

– Но, – ее голос дрогнул, а губы сжались в одну линию. – Он настоятельно просил Вам прийти.

– Ах, настоятельно?! – Илерия ослабилась, приведя Марту в предобморочное состояние.

– Ну, если доктор Джеймс настаивает!

Сегодняшняя ситуация начинала выстраивать вокруг Илерии немислимые для продвижения преграды. Вокруг не было стен, и никакая из дорог не обещала кончиться тупиком или же обрывом. Последние решения стали создавать на пути опасные виражи, а мозг, плетущий интригу, еще не до конца осмысленную, жал на газ. Это не нравилось. Она обучила, выкормила своим молоком, воспитала в Илерии потрясающе хитрого охотника, знающего цену любой жизни, даже если она бесценна.

Привычка быть в тесных отношениях, в горячих объятиях с врагом, выручала, неоднократно выбивая последние клыки у тех, кто скалился и рычал, плюясь пеной в ее сторо-

ну. И доктор Джеймс подавал первые признаки бешенства – он потерял чувство страха. Он, как дикий волк, пораженный недугом, становился на задние лапы, пытаясь схватить Илерию за горло, блокировать ее и подарить вирус через укус.

Но и против него есть пуля.

– Рано, Илерия, еще рано, – сказала она, идя по пустому коридору, такому же белому и стерильному.

Распустив волосы, Илерия изобразила улыбку, и, неуверенно коснувшись шрама, остановилась перед дверью кабинета с именной табличкой: «Артур Джеймс. Заместитель главного хирурга».

Больной бешенством ублюдох доктор Джеймс.

Два стука и голос из-за двери пригласил ее войти.

Доктор Джеймс стоял спиной к входу, копошась в папках. Макулатурное царство, воняющее бумагой и чернилами.

Он даже не обернулся, уткнувшись своим длинным носом в ящик стола. Натянутый на согнутой спине халат позволял видеть напряженные мышцы.

Собравшись, чтобы голос не дрогнул, Илерия произнесла: «Здравствуйте».

– О, госпожа Грей! – Радостно взмахнув руками, он пригласил ее сесть в кресло у рабочего стола, заваленного листами бумаги.

Поборов в себе отвращение к царившему здесь беспорядку, Илерия взяла в руки валявшийся на самом краю открытый клей карандаш. Оглядела стол, выискивая колпачок

и одновременно с этим осторожно высматривала что-нибудь интересное, и что могло бы в будущем ей пригодиться.

– Я рад, что Вы заглянули! Хотите чаю? — доктор Джеймс встал у кресла.

– Откажусь, — ответила Илерия, подкручивая колесико и внимательно следя, как белая масса клея прячется за стенками тюбика. — У меня мало времени.

– Простите, — он смотрел в упор, пробегая по лицу Илерии взглядом.

Ей показалось, что ее облизала мерзкая болотная жаба, и неосознанно оттерла щеки пальцами, желая избавиться от ощущения склизкости.

– Я не просто так просил Вас зайти, госпожа Грей. Есть один пациент, которого передали Вам... — он замялся и, скромно вжав голову в плечи, положил перед Илерией папку. — Я давно его наблюдаю, так что...

Открыв документ, Илерия узнала старика на фотографии. Данные тоже оказались теми же, что были и у нее. Он был среди тех, кому она утром подписала утилизацию. Его доставили три дня назад с менингеальной фазой полиомиелита. На нем больше невозможно было проводить опыты. Материал изжил себя.

Его лицо напоминало маску грустного клоуна: выцветшая коричневато-синяя кожа, осыпающаяся сухими струпьями; небольшая черепная коробка тем не менее помещала на себе крупное лицо; глаза желтые с разными по размеру радужка-

ми.

Бессмысленная трата времени, вот какими Илерия считала подобные экземпляры. В них не было ничего, что могло помочь науке или карьере. Расстраивало то, что этот безмозглый кретин в белом халате, пыхтящий сейчас около нее, не видит даже этого.

– Не стоит тратить свое внимание, – озвучила Илерия, откидывая и папку, и клей на стол. – Через пару часов он пойдет в утиль с восьмью такими же.

– Я знаю об этом, потому и хотел с Вами поговорить. Если Вы не против, я бы хотел его забрать в свою лабораторию.

Илерия глянула на него, мысленно ломая его шею, на которой держалась голова с мерзкой рожей.

«Если Вы не против»...

*Сегодня на ужин у них соседи,
А завтра, может, буду я...*

– Что же Вас так заинтересовало в этом пациенте? – Илерия широко улыбнулась. – Я не заметила у него ничего, кроме неприятной болячки.

Доктор Джеймс замялся, подбирая слова:

– Ну, – сказал он, наконец, – я не так давно начал исследование по теме, что Вы предложили мне еще в годы защиты докторской.

Конструирование тела.

Илерия помнила тот день отчетливо. Что-то стерлось, исчезло из извилин в ее мозге, но не то заседание. За год и два дня до того, как пришел приказ о ее назначении главным научным сотрудником для работы на Загранице.

Как сейчас, она слышала перепуганный голос Артура Джеймса, студента из магистратуры: «Но я никогда не занимался биомеханикой».

Как же он дрожал. Трусливый щенок, не умеющий гавкать, а лишь тявкающий, что чего-то не умеет.

– Если Вы, Артур Джеймс, хотите работать здесь, под моим боком, то должны выбрать что-то более существенное, нежели вирусология, – сказала тогда ему Илерия. – Судя по Вашим результатам на экзаменах у Вас не получится соперничать с другими, уже опытными специалистами.

Он чуть ли не плакал, хотел убедить, но разве таким людям Бог дал право голоса? Нет, он дал им лишь трусость зайца и его длинные уши. Они все всегда знают, они всегда все слышат.

Длинные уши до сих пор не отвалились, и ставший доктором Артур Джеймс приобрел норов. Кто бы мог подумать, что ее судьбу будет решать хирург с граммовым мозгом.

– И когда же Вы заинтересовались биомеханикой? – спросила Илерия.

– Как только вновь увидел Вас. – Улыбнулся доктор Джеймс. – Так Вы позволите мне забрать его?

– В нашей базе полно расходного материала, – Илерия

и не думала уступать, – почему бы не воспользоваться ими?
– Госпожа Грей! – Его голос отвердел. – Мне нужен именно этот пациент.

Самоуверенность тона начинала выводить из себя. Заяц сменил шкуру и возомнил себя волком. Илерия начала думать о своих шансах выйти из этой игры, боясь проиграть такому одиночке, как доктор Джеймс. Еще не время доставать нож, ведь где-то рядом бродила стая. Что может сделать этот ублюдок, Илерия знала, ведь в его руках ее тайна, грозящая умертвить одним ударом. Но вопрос в том, сможет ли он рискнуть карьерой и жизнью, чтобы отомстить за ее несговорчивость?

– Как хотите, – Илерия позволила ему выиграть эту игру за доминирование. – Я отзываю его утилизацию, но, надеюсь, мне не придется смотреть больше на это сморщенное лицо.

– В моей лаборатории все готово. – Он подпрыгнул на месте, выражая радость. Его глаза говорили, что он ликует, упивается вкусом ее капитуляции.

– Что ж, – Илерия встала, не желая больше ввязываться в никакой другой диалог, – мне пора. Мы же не хотим опоздать к моменту утилизации?

Доктор Джеймс хихикнул, следуя за ней к двери, провожая.

– Этому старику невероятно повезло. – Буркнула Илерия, взявшись за ручку двери.

– Может быть.

Скорее ему не повезло. Что с ним сотворят, знает только Бог, но и он, наверно, не ведает, на что способен разум человека такого слабого и хитрого.

– Ах, да! – Воскликнул доктор Джеймс, не позволив Илерии открыть дверь, накрыв ее руку своей. – Насчет доктора Азимова, – ненадолго повисла тишина, в которой Илерии не понравилось абсолютно все. Он пытается измерить свои шансы. – Он запросил Ваши данные, госпожа Грей. Мы же друзья, не так ли?

А завтра, может, буду я...

– Конечно! – пожав руку доктора Джеймса, Илерия, тихо произнесла, почти в самое его ухо: «Нам обоим выгодно молчание, не так ли?»

Глава шестая

Она сделала все, как и просил доктор Джеймс – выписала для него старика Микаэля. Это имя он кричал всякий раз, как она брала у него анализы или вводила препараты. Он ненавидел свой порядковый номер больше остальных. У него желтые глаза и даже время в испытательной базе не сломали в них энергию. Волевой террорист. Именно такие способны убить себя, чтобы уничтожить еще кого-нибудь.

– Вы еще немного поживете, номер 8287, – шепнула она ему на ухо, когда его отцепляли от кушетки и уводили прочь из комнаты, где готовили к утилизации восемь несчастных.

– Меня зовут Микаэль! – Кричал он ей, плюясь слюной, пенящейся от кипящих эмоций. – Меня зовут Микаэль!

И он кричал, так и не услышав слов брошенных Илерией: «Скоро ты его забудешь».

Тщательно перепроверив документы, она дала знак санитарам, что пора начинать.

Кто-то из приговоренных уродцев лежал смирно, у кого-то хватало сил пытаться вырваться. Одна из них, девушка, извивалась змеей. Ее редкие белокурые волосы закрывали лицо.

Илерия, задумавшись, уставилась на нее. Красивое лицо, не такое как у нее. Без шрамов, но истощенное.

Девушка пыталась высвободиться. Не яростно,

но во взгляде читался ужас. Желание жить казалось смешным, учитывая какие муки она испытывала, пока была здесь. Около года. Мало кто выдерживает столько. Почему бы им не принять это как эвтаназию?

Из-за волос вдруг мелькнул взгляд. Она смотрела прямо на Илерию. Не на санитаров, подошедших к ее кушетке и готовящих укол, а именно на нее.

Голубой глаз в обрамлении светлых прядей.

– Стойте! – закричала Илерия, бросившись вперед, чуть не снеся одного из санитаров с ног. – Подождите.

Ее дыхание сбилось, и виделся ей лишь голубой глаз и светлые локоны. Она так похожа на нее. Это Анна!

Илерия пыталась отгадать, судорожно глотая воздух, как ее кошмар обрел форму. Он больше не в отражении. Теперь он не запечатлен в ее теле, а свободен, пусть и прикован ремнями.

И лишь ее пальцы оказались вблизи от лица девушки, Илерию сковал ужас. А что если это Анна?

Вокруг корчились в смертельных конвульсиях четверо, но взгляд Илерии был устремлен лишь на девушку, глаз которой она больше не видела.

– Открой, черт тебя дери, глаза! – Она шипела гадюкой, ухватив пальцами за ее подбородок и откидывая с лица волосы. – Смотри на меня!

Зеленые. У нее были зеленые глаза.

На Илерию все смотрели, но ей было плевать на это.

И чуть позже пересуды дадут ей понять, что легкая слабость может порядком потрепать в разворачивающихся баталиях. Но тело тряслось и, не зная, куда себя деть, Илерия отошла.

«Я схожу с ума», – решила она, вытирая рукавом халата пот со лба и, уходя прочь. У нее не осталось сил анализировать яму, в которой становилось все больше и больше неосознаваемого, необъяснимого.

Она не могла поверить, что теперь будет видеть Анну и днем, ощущая на себе холодный взгляд голубых глаз.

Уже позже, как только начал зарождаться вечер, Илерия почувствовала весь вкус пережитого дня. Подготавливаясь ко встрече с Азимовым, она всячески пыталась выяснить рецепт кошмара: на чем замешано тесто, из чего вылеплена девушка с золотистыми волосами. Отвратительный вкус – единственное качество этого блюда. К тому же оно смердило за версту.

Пугающие образы, сохраненные в сознании – корчащиеся в смертных муках утилизируемые пациенты – смешались в сознании в одну клейкую массу. Илерия пыталась разделить их, но что-то мешало и любая попытка убедить себя в нормальности, в том, что это ее работа, не давали результата. Словно кто-то сверху начинал закидывать ее землей, хороня заживо. Кто бы мог подумать, что врагом станет ее же мозг: умный и натренированный?

«Я привыкла видеть смерть», – убеждения лились одно за другим. Весь день одни убеждения, попытки найти ключ

к себе же самой.

Бледная кожа стала еще блее, состояние усугублялось периодическими спазмами желудка, уже пустого, но жаждущего еды. Но Илерия не ела, боясь, что ее вырвет прямо на доктора Азимова. А он быстро делает выводы, будучи резким в решениях и редко неправым. А Илерия... А Илерия всегда была для него желанной добычей для анализа, названная им посланником Смерти, князем Ада, сотворенным, чтобы мучить. Это смешно, ведь его руки столь же багровы. Кровь никогда не успевала засыхать на его тонких пальцах.

Доктор Азимов отличался от людей, бродивших по этим коридорам. Ветеран в медицине, гений в психиатрии, пусть и пытался выдавать себя за мирного психолога.

И скоро Илерии предстояло оказаться в костлявых объятиях человека, однажды чуть не загубившего ее карьеру. Он видел ложь и, будучи упертым в одну крайность, не понимал ее благих намерений. В нем смешивались две противоположности гениальности и высоких человеческих желаний.

– Почему Вы хотите стать ученым, Илерия?

Он единственный звал ее по имени. Тихим усыпляющим голосом.

– Я хочу спасти жизни, – ответила двадцатилетняя Илерия, скребя пальцами по подлокотникам. Скрип кожи успокаивал ее.

– Убивая? – доктор Азимов откинулся в своем кресле. – Странный способ.

Как сейчас слышался ей звук его дыхания, иронии в голосе, скрип зубов, когда он задумывался.

– Убивая одного – мы спасаем сотни, – подтвердила Илерия, внутренне напрягаясь.

– Так говорили политики, когда разжигали третью мировую, – ох уж этот тон.

– Вы что-то имеете против нашего правительства? – Метнула в его сторону Илерия.

– Каждый человек – хищник, – доктор Азимов наклонился вперед, тем самым сокращая между ними расстояние. – Моя задача выяснить насколько крепки прутья Вашей клетки, Илерия.

Уже тогда он видел в ней то, что еще не созрело. Но нравилось ли этому монстру ее сущность или же нет, Илерия не знала. Даже сегодня не надеялась узнать, ведь этот день оказался слишком длинным для изнуренного и ослабленного человека.

Где-то там, за стенами этого здания солнце уже клонилось к закату, а, может, уже и село, спрятавшись за пазуху горизонта, тяня на своем хвосте тьму. Она имеет в Зес густоту кофе с молоком. Но она не пахла так приятно. В ней было что-то от желчно-горького зловонья тех монстров, что бродят по Загранице. А здесь, на нижних этажах базы, всегда сиял белый свет, и пахло как в стерильной перчатке.

Илерия провела рукой по лицу, чуть натягивая кожу. В ее кабинете сохранялся полумрак, только зеркало сияло ка-

ким-то внутренним серебристым светом.

– Прутья клетки, – сказала она, всеми силами пытаюсь сосредоточиться на воображаемой точке между бровей. Зеркало прозрачно, как наичистейшая вода. Наверно, такое же холодное.

Прислонилась к нему лбом, потом щекой. Прохладное. Мысли, горячие угли, стали понемногу угасать. Этого было достаточно, чтобы перебороть слабость и тошноту.

«Еще немного», – подумала Илерия, остывая подобно вечернему воздуху. – «Еще немного».

А время тикало стрелками часов на ее руке. Тик-так, тик-так – так оно текло, не оставляя за собой места развернуться и сделать вдох. Но больше не зажимало, хотя и наполняло собой все пространство. Стол, кресло, шкаф, зеркало: все буквально пропиталось вонью приближающейся встречи. Доктор Азимов, должно быть, испек самый мерзкий пирог из вопросов.

Медленно выпрямившись, Илерия поправила выбившуюся из-за уха прядь волос и вышла.

Белый коридор, запах антисептиков и лекарств, яркий свет остались позади. Лифт вынес Илерию на третий этаж с минус шестого, где все другое: презентабельное, много дерева, камня, и лишь одно яркое пятно – огромная картина на стене в конце коридора. Брызги пятен на квадратном полотне сливались во что-то напоминающее цветок. Неровные стены будто впитали этот сияющий небесно-голубой отте-

нок, спрятав его в каждом закутке каменных плит. Кровь начала пульсировать и коридор, заостряясь, то сжимался до полотна, то расширялся. Секундное помешательство быстро исчезло, не успев впиться клыками в Илерию, так и застывшую посредине красного вычурного ковра. Еще немного и заколдованная внутренними демонами, она бы прошла мимо двери кабинета доктора Азимова, желая приблизиться к картине, имеющей глубину глаз Анны.

Теперь она жалела, что не поела. Как же еще можно было объяснить это странное пульсирование пространства. Все дело в ее голове, в мыслях, ослабленных и погрызенных червячками. Ведь другого не могло быть: мир статичен и лишь человек наделяет его жизнью. Достаточной, чтобы сводить с ума. И проблема Илории заключалась в том, что ее сводил с ума не внешний мир, а тот, что внутри.

Тихо, но уверенно постучав костяшками пальцев, Илория прислушалась, ожидая ответа с той стороны. Лучше бы он промолчал. И она сможет уйти домой. Желание оказаться в постели окутывало тело сонной слабостью.

– Входите, – прозвучал глубокий голос.

Дверь тихо заскрипела, когда Илория открыла ее. Звук, напоминающий жалобное мяуканье маленького котенка.

– Здравствуйте, Илория, – доктор Азимов не избавился от своей привычки называть ее по имени.

Да и сама его внешность не претерпела никаких изменений: взъерошенный седой волос; прямой длинный нос, мас-

сивный на кончике; белесые глаза и улыбка без левого клыка, – обманчиво добрая, как знала Илерия. Ему было под семьдесят, о чем особенно сильно говорила дряблая кожа на шее, выглядывающая из-за воротника рубашки. Он носил очки в тонкой золотистой оправе. Такого же цвета были запонки на рубашке и пуговицы на темно-синем пиджаке.

Доктор Азимов стоял около стола, встречая Илерию стоя.

– Добрый вечер, – она пожала его руку и приняла предложение сесть.

– Я рад видеть Вас живой, – он улыбнулся и устроился в кресле напротив, закинув ногу на ногу. – Никто уже и не ожидал Вашего возвращения в систему. Тем более во здравии. По крайней мере, в отчете доктора Артура Джеймса сказано, что Вы здоровы.

– Я устала, доктор Азимов, – отбросила его рассуждения Илерия. Она боялась, что в какой-нибудь момент его ухищрения заставят ее совершить ошибку. Ничего другого не оставалось, как сокращать разговор банальными доводами об усталости. – Мы уже можем отбросить реверансы?

– Вы плохо себя чувствуете? – он прищурился. Глаза его стали похожими на кошачьи, но голос оставался прежним: глубоким и немного вибрирующим, словно шел из чрева невероятного Божества. – Вы бледны и к тому же, как слышу по урчанию желудка – не ели... Что именно Вас беспокоит?

– Мне попался волос в тарелке с супом, – на ходу выдумала Илерия. – Вы, наверно, наслышаны, как я отношусь к по-

добным вещам?

– Не думал, что Вы брезгливы, – доктор Азимов сделался удивленным. – Ваша работа не для слабонервных, Илерия. Прошлый проект даже мне показался впечатляющим. А я видел и не такое!

Илерия не сомневалась, что изучение работы внутренних органов при помощи вивисекции могла впечатлить любого. Без исключений.

– Вам удастся сломить даже самый сильный дух, – доктор Азимов нажал кнопку на пульте управления.

Появилась проекция экрана, светящаяся белым. Ослепленная ярким светом, Илерия нахмурилась.

– Я изучил каждую деталь Вашего дела, – добрыми глазами стали уже от улыбки, скользнувшей по его губам. – Господин Штраутц не очень жалуется Вас.

По ее лицу скользнуло непонимание.

– Эрик Штраутц, – пояснил он. – Как следует из этого доклада, – тут же выплыло окно с письменным сообщением о местоположении Эрика Штраутца у дома Илерии, – по фото можно четко определить, что он был у Вашего дома.

Илерия ощутила на языке дурной вкус. Лишь чудом взволнованность на ее лице осталась незамеченной.

– Я уже обсуждала это с военными из совбеза, доктор Азимов, – сталь зазвенела в каждой букве. – Есть ли надобность еще раз говорить о человеке, с которым я говорила лишь несколько минут в своей жизни? Вы не находите, что это

слишком мало, чтобы постоянно спрашивать о нем? – Илерия смотрела ему прямо в глаза. – Этот Эрик Штраутц... Что же в нем такого, что его так настойчиво ищут? Я слышала, что он связан с экстремистами? И как ему удастся до сих пор быть на свободе?

– Может, страх оказаться на виселице? – улыбнулся доктор Азимов. – Желание жить – лучшее в человеке. Оно дает силы, возможности. Хитрость выживающего способна обмануть даже систему, Илерия, – он включил другое видео. Небольшой отрывок: Илерия выходит из домика в саду и оглядывается по сторонам. – Ваше лицо. Почему Вы были так напуганы в ту ночь? Что именно Вас так беспокоило? Не был ли причиной такого поведения Эрик Штраутц?

Это видео. Чуть ранее – насколько Илерия помнила, пусть и смутно – она тащила труп через лужайку. Но на записи отсутствовали именно эти проклятые десять минут. Судя по хронометражу, кто-то удачно вырезал самый важный кусок.

– Расскажите мне, – вибрирующий властный голос доктора Азимова звучал где-то на задворках, пока Илерия вспоминала окутанную стрекотом кузнецов ночь. – Это как-то связано с тем, что произошло сегодня в лаборатории?

Было бы странно, если бы он не задал этот вопрос. Илерия вздрогнула, чем чуть было не выдала себя.

– Что именно Вы имеете в виду?

– Сегодня в лаборатории та девушка кого-то Вам напом-

нила? Почему Вы так заволновались? – Илерия чуяла опасность от меткости вопросов. Волосы на затылке зашевелились.

«Как? Зачем? Кто?» – вопросы так и сыпались из его уст. Один за другим, цельным потоком, не успевая задерживаться в мозгу Илерии, исчезая тут же, как только пробуждались картинки в подсознании.

– Эта девушка...

«Что же сказать?» – думала Илерия. – «Что же сказать?»

– Мне показались странными ее показатели.

– И поэтому Вы просили ее посмотреть на Вас?

Система хорошо поработала. Она окутали Илерию своими сетями, погружая на безопасное для себя, но убийственное для нее дно кишашего пираньями водоема. Темнота молотом опускалась на голову, припечатывая к креслу. Почему же она раньше не замечала всевидящего ока СБС? Потребовался всего год, жуткие события и, главное – осознание собственного несовершенства, как гражданина, чтобы очевидное выплыло на поверхность.

– Ее зрачки необычно отреагировали на освещение, – Илерия сглотнула. – Но это был лишь блик. Я ошиблась.

– И как часто Вы ошибаетесь?

– Вы знаете ответ на этот вопрос: никогда.

– Может, Вам требуется еще немного отдыха? Пару дней Вам бы хватило, чтобы прийти в себя? – доктор Азимов что-то записал в свой блокнот.

– Мне не нужен отдых. Я прекрасно себя чувствую, – как же сильно она кривила душой. – Это первый мой рабочий день после всего. Не удивительно, что я немного утомилась.

Илерия искала лазейку в этом пестрящем тупиками лабиринте.

– Я тоже человек. Гениальность не отнимает у меня других качеств: я тоже устаю, люблю покушать. А сегодня повар вынудила меня остаться голодной, – она рассмеялась. – Так что все эти Ваши вопросы... Вы не доверяете мне? Неужели Совет Шести так сильно беспокоится о моем самочувствии, что дает Вам и такие мелкие вопросы на рассмотрение, как моя реакция на суп?

– Вы прошли через ад, Илерия, ничего странного нет в подобной озабоченности Совета Шести Вашим здоровьем! – Страстное восклицание отразилось на лице доктора Азимова гаммой эмоций: от откровенного удивления до жалкого подобия сочувствия. – Я доктор и хочу Вам помочь.

Илерия знала, что больные люди доказывают сильнее других, что они здоровы и потому лишь заставила себя показать немного понимания.

– Вы помогаете мне, правда. Но поможете больше, если Вы и Совет Шести позволят работать и дальше. Я хочу быстрее влиться в жизнь Зес и всей системы Звезды. Я понимаю, что каждое человеческое звено держит на своих плечах мир и порядок, прописанный Кроном и, потому буду прислуши-

ваться к каждому Вашему слову, доктор Азимов.

Она должна боготворить этого человека. Должна тешить его гордость больше, чем свою. Илерия должна остаться победителем, какой была ее мама. Ведь шансов у нее больше, чем было у женщины, выкормившей ее и воспитавшей каждую черту характера.

– Мне приятно слышать подобное от Вас, – он широко улыбнулся. – Думаю, сегодня не стоит Вас мучить, ведь Вы так устали, не так ли?

– Да, правильно, – Илерия встала без промедлений и, пожав его руку, направилась к двери.

– Вы не знаете, кто может покровительствовать Вам, Илерия?

– Простите? – она остановилась, замерев у двери, уже наполовину ее открыв. – О чем Вы?

– Кто-то стер видео, после того как Вы вышли из дома. Вырезан достаточно большой промежуток времени.

Илерия сглотнула. Значит, в системе есть кто-то, кто следит за ней и знает ее секрет прошлой ночи? Это лишний раз доказывает, что труп есть. Эрик Штраутц в итоге сыграл свою роль в этой пьесе, заставив кого-то, кто может идти против системы, показать себя, пусть и косвенно.

Но кто же имеет доступ к системе видеобезопасности Зес? Этот кто-то должен быть из банов, никак не ниже.

– Как Вы думаете, что именно вырезано на том видео? – доктор Азимов знал, как вести игру. Давал ей расслабить-

ся, чтобы вновь бросить лассо, пытаясь обуздать ее бурный нрав. – Возможно это дело рук Эрика Штраутца? – он говорил. – Хотя ему точно не известно такое тонкое дело, как взломы, – наблюдал. – У Вас нет других предположений?

Ни одного. Илерия ничего путного придумать не могла и потому лишь покачала головой. Даже если бы и знала, неужели доктор Азимов надеялся, что она все расскажет?! В чьих-то руках ее судьба. И этих рук становилось слишком много, а ведь среди них может оказаться такая, что рано или поздно убьет ее.

– Я была дома в ту ночь.

– Я знаю и Совет тоже, но кто-то явно заинтересован в Вас, Илерия, – доктор Азимов подошел к ней вплотную. – Либо он хочет спрятать себя, либо Вас. Надеюсь, Вам нечего скрывать.

Голос звучал близко, тихо и пугающе. Илерию на секунду вытряхнули из панциря, в котором она обитала, словно речной рак. Но учуяв запах, предвещающий бурю, вновь забралась в него.

– Мне тоже интересно, и, надеюсь, Совет Шести сможет найти хороших людей, чтобы оградить меня от подобных... недоразумений, – Илерия посмотрела на доктора Азимова, и, попрощавшись, вышла.

Известия будоражили, и даже холодный вечерний воздух темных улиц Зес не позволял увидеть решений и хоть каких-то зацепок.

Доктора Джеймса она исключила сразу же, а подобных ему врагов больше не наблюдалось. Он не бан, а ведь только из высшей иерархии имеют доступ к подобной информации, и то не каждый. А кто еще мог бы иметь выгоду от ее тайн, предстояло выяснить.

Даже с вываленными из живота кишками, окруженная отравленным воздухом и террористами, Илерия не знала подобного беспокойства. Она выжила и начала ценить свое спасение.

Волки вышли на охоту.

Кто-то сильный стоит за этими событиями. Эрик Штраутц, связи в отделе безопасности, его исчезнувший труп, – указывали на влиятельного человека.

Кто же: враг или друг? И этот вопрос Илерия хотела разгадать как можно скорее, еще не подозревая, что на это у нее уйдет часть привычной жизни, пока та не превратится во что-то, чего боится больше всего.

Глава седьмая

Шли дни, недели, примечательные лишь в политике, но никак не в личной жизни Илерии.

Она успокоилась. Без кошмаров и видений превратилась в ту себя, которую уже почти не помнила. Сил стало хватать на то, чего она не могла себе позволить, если в отражении продолжала бы появляться Анна.

Но каждый день, когда Илерия бросала свой взгляд на улицы, мелькающие за окном машины или на сводки новостей, она стала замечать изменяющиеся настроения. Словно Зес заболел лихорадкой противоречий. СБС всеми силами подавлял волю тех граждан, что сходили с правильной дороги, но население города слишком разрослось во все стороны, чтобы суметь уследить за всеми. Так уже было три сотни лет назад. Об этом написано на страницах учебников. История учит лишь одному – все повторяется. И вот спираль вновь сжималась.

Система с изолированными друг от друга городами от Заграницы развивалась медленно. Ранее мир был скачущим высь гигантом, но события, приведшие к Третьей Мировой Войне, породили нечто, похожее на монстра. Цивилизация спаслась лишь благодаря ANTCristGroup. Корпорация смогла разработать технологии, опережающие время, одной из которых оказалась и «плащаница» – купол защиты.

На последнем собрании ООН в день начала войны, а именно 21 августа 2065 года, было объявлено, что в связи с применением ядерного оружия и оружия массового поражения понятие «государственность» должно считаться не действительным. И там же была признана «Звезда», как единственная законная власть, имеющая права не только в рамках Системы, но и за ее пределами. Именно в тот день появилось понятие «Заграницы», т.е. территории лежащие вне «плащаниц».

Илерия ненавидела прежний мир, хотя и понимала, что в нем были и свои плюсы, но сама суть многочисленности государств ее пугала. Когда людей, решающих судьбы, слишком много, то и опасности пропорционально велики. Именно это и сыграло свою роль. Сначала жадность государств, а потом и сепаратизм разрушили все. Экстремисты грызли глотки каждому, кто имел противоположные взгляды. В конце концов даже религия потеряла свой смысл из-за их фанатизма. Но сделав свое дело, сепаратизм не исчез, хотя и стал уступать место другой крайности – неосепаратизму. Воссоединение всех людей планеты под эгидой одного государства, путем свержения самого сильного правительства, а именно Двух Королей. Неосепаратисты (адлеровцы) те же террористы, – считала Илерия, – способны лишь разрушать, но никак не создавать.

Сейчас Илерия каждой клеткой своего тела стала замечать насколько крепки прутья. Если ранее для нее Система

была безопасным раем, охраняемым Кроном, столицей Звезды, то после плена он стал другим.

Хочешь проверить человека – внуши ему, что он мертв. И Илерии не повезло испытать смерть на вкус. Из Заграницы никто не возвращался. Не возвращались такие, как она. При упоминании ее имени там сплевывали, не понимая, что она всего лишь творец под эгидой изолированной свободы и безопасности. Люди здесь знают себя лучше, чем чужаки, нареченные еще со времен Третьей Мировой врагами.

Что касается доктора Джеймса, то он исчез из поля зрения, как и Совет Шести, но не Виктор – вечный спутник всех проблем. Однако сейчас он держался на расстоянии.

Тишина – не всегда преддверие бури, иногда признак отсутствия «языка». Так в шутку Илерия называла факты, имеющие против кого-то силу. И, окрыленная свободой и спокойствием, она стала двигаться вперед, ожидая лишь одного: суда над Валентином. А пока делала свою работу.

Лабораторию освещали галографы, своим ярким светом уничтожая любое проявление темноты. Илерия склонилась над пациентом, напоминающим жухлую картофелину. Он лежал прикованный к койке и тупо уставился в потолок, от чего складывалось впечатление, что он – всего лишь бездушная кукла, положенная здесь для странных детских игр.

Игла прошла мимо вены. Илерия слишком сильно ушла в себя, не сразу заметив свою ошибку. Ее размышления о беспорядках, свидетелем которых она стала сегодня утром,

никак не давали ей сосредоточиться.

Исправившись, Илерия заглянула в монитор компьютера, определяя самочувствие мужчины.

Ранее этот экземпляр не вызывал интереса, не имея никаких особенностей. Его доставили в главную лабораторию для тестирования медицинских препаратов и химического оружия.

В закрытых пространствах у людей проявляются одни и те же болезни. Вирус гуляет от одного организма к другому, размножаясь. Но Илерии было плевать на болячки. Ее интересовал именно этот мужчина, как носитель информации.

– Вы – системники – обычно осторожны.

Тело Илерии отреагировало на незнакомый голос, немедленно выбросив адреналин в кровь, заставляя дернуться в сторону.

– Я тебя помню, – пациент обращался к Илерии как к старому доброму другу. Его голос заставлял прислушиваться к себе. – Уже не боишься заразиться? Одна лишь тряпка на лице – не лучшая защита.

Насмешка сквозила в каждом слове.

Человеческая природа всегда поражала Илерию. Способность привыкнуть даже к самым сложным условиям вырабатывалась почти у каждого в ее базе. Что дает им подобную выдержку, одному Богу известно. А что позволило выжить ей? Была ли то надежда или же страх смерти? Может, отсутствие возможности убить себя стало причиной того, что ду-

ша удержалась в теле?

– Я хочу задать Вам пару вопросов, – Илерия села на стул рядом с кушеткой. – Но для начала давайте познакомимся. Меня зовут Илерия, а Вас?

Мужчина недоверчиво покосился на нее.

– У Вас нет имени?

– Мы не животные, – у нас тоже есть имена! – зарычал он, дернув руками, но их стягивали кожаные ремни.

– Конечно, – миролюбивым голосом согласилась Илерия. – Так как Вас зовут?

– Ноам, – помедлив, мужчина все же представился.

По его лицу пробежало еле заметное беспокойство.

– Я уже привык к 9456. Большая цифра. Я никогда не сомневался, что я не первый и не последний, – кашель прервал его.

– Это лишь цифра, а не количество пациентов до Вас, – Илерия между делом просматривала тут же полученный результат мазков крови на одном из экранов. Она специально использовала гуманное слово «пациент», а не «испытываемый» или «подопытный», не желая рисковать возможностью заполучить доверие. Немного. Ей нужно было ровно столько, чтобы разузнать об Асаране, как о главаре, так и о городе-бункере. – Первая цифра говорит об уровне секретности разработок. Вы, Ноам, как понимаете, в последней группе.

Низкое содержание сахара в крови, пониженный гемоглобин – обычная кровь человека, испытывающего все преврат-

ности голодной жизни.

– Вы ведь из Асарана? – как бы между делом спросила Илерия, смотря на новое выведенное окно с разбором связей ДНК. – Там, наверно, ужасные условия для жизни?

Ноам хмыкнул. Его серые глаза смотрели, не мигая.

– Это не Звезда! – если бы его руки были свободны, то он бы жестом проиллюстрировал масштаб системы. – Я слышал, что люди под куполом могут гулять по зеленым лугам, по паркам с деревьями... – его дыхание сбилось и, когда Илерия оторвалась от микроскопа, увидела, что он плачет. – Мы же живем в грязи, среди болезней. Люди деградируют, теряют веру, а кто не перестает бороться рано или поздно оказываются здесь или их кости пожирает Гремучая Змея.

Илерия затихла. Душевные муки, горькие мужские слезы, слова, сказанные хриплым глухим голосом, не могли быть ложью.

Она уже где-то слышала подобное. Анна говорила такие же слова, словно в доказательство показывая ей фотокарточку. На ней были запечатлены мать с ребенком на руках, и все вокруг было зеленым, даже изумрудным. Удивительно, как хорошо сохранились краски, совершенно не выгорев и не потускнев от пыли.

– Бог не справедлив. Он разделил людей на две части, одна из которых решает, жить ли другой или нет, – пытаюсь сдержать слезы, Ноам нахмурился, уставившись в потолок. – И чем они заслужили подобную милость?

Руки Илерии задрожали, а всегда сильное выражение лица бесконтрольно сменилось на растерянное. Прикованный к кушетке человек говорил слова, умеющие проникать глубоко. Она не знала, почему раньше не думала об этом. Ей повезло жить в безопасной зоне и это мешало ей осознать, почему люди в Загранице пытаются уничтожить противный их миру оазис жизни.

– Дело не в справедливости – сказала Илерия, – дело в самих людях. Вы убиваете, Вас убивают. Это закономерность.

Ноам зло дернулся. Железные ножки кушетки заскрежетали по полу.

– Мы защищаемся! Нас истребляют каждый день, каждую минуту! – его голос срывался, но он продолжал. – Поганый Крон не позволяет нам даже дышать. Каждая травинка, выращенная под лампами, ценится нами сильнее, чем вами человеческая жизнь и свобода!

– Вы развязали войну, а не мы, – губы Илерии искривились в презрении. – Вы разрушали страны! Покончив с одной, двигались дальше и дальше, – она еле сдерживалась, чтобы не плюнуть ему в лицо. – Ни в одном языке мира нет слова, способного описать вас!

– Наши предки несли демократию, – обреченно произнес Ноам, но в нем не было оправдания, а лишь усталость. – Мы давали людям свободу от диктатуры.

– Лишь дав народу власть, ты лишишь его свободы, – именно этими словами характеризовали в академиях и шко-

лах творившийся хаос сепаратизма в 20 – начале 21 века. – Ваши предки превратились в беспощадный вирус, приведший нас к тому, что есть. Вы как потомки Каина получаете расплату.

– Мы уже вполне испили собственной крови, превращаясь в самых настоящих монстров, не похожих ни внешне, ни внутренне на людей. Мы страдает из-за тех, кто прячется под куполами. А что же делать тем, кому просто не повезло оказаться вне ваших городов? Умирать, рожать недолюдей?

– К сожалению, среди вас больше уродов душевных, а не физических, – Илерия отвела взгляд от его лица с впалыми щеками и редкой сединой на щетине. Спорить о своем месте в мире с человеком, получившим диаметрально противоположный жизненный опыт выматывает, словно то был настоящий бой. Следующие ее слова были спокойнее и уравновешеннее:

– Обвиняя нас в опытах, при этом сами проводите их?

«Пожалуйста, клюнь!» – думала она, напрягшись от ожидания.

А Ноам все молчал. Он словно не услышал вопроса, уйдя глубоко в себя. Но Илерия терпеливо смотрела на его профиль, с силой сжимая челюсти. Гуляющие желваки выделяли ее низкие острые скулы, а подбородок делали острее. Ей бы не понравилось свое отражение, если бы пришлось увидеть себя.

– Асаран не окружен умными людьми, – наконец загово-

рил он. – Я ни разу не слышал об опытах. Он только любил пробовать какую-нибудь дурь на пленных. Не толкать же ее на рынок без пробы!

Илерия стиснула зубы. Она так и хотела сжать пальцы на его шее. Опыты не во имя науки, а ради удовольствия – худшее проявление человеческого разума, если таковой имеется у этих людей.

– Я хочу посмотреть, какая ты стала бы от наркоты! – Риторика его речи изменилась. Что-то пропало в голосе. Больше Ноам не вызывал сострадания, а лишь желание вколоть ему яд. – Такие девочки как ты, становятся послушными под кайфом! – Смех заклокотал где-то в области его живота. Глухой, булькающий, переходящий в кашель и обратно.

– Я постараюсь перевести тебя в третью группу, – Илерия наклонилась к его уху, ощущая мерзкую, почти гнойную вонь сальных рыжих волос. – Хочешь увидеть свои внутренности или мышцы, не прикрытые кожей? У тебя пропадет не только способность смеяться, но и думать!

Ноам встретил ее взгляд. Он понимал, о чем она говорит, это видно по глазам, по напряженному лицу. Но он держался, мужественно улыбаясь.

– Кстати, я курирую отдел вивисекции, – она злобно рассмеялась. – Раньше использовали животных. Бедные собачки, мартышки, кошечки страдали... а ведь они умные, безгранично верящие своим хозяевам существа! – Она покачала головой, сожалея миллиардам погибших в лабораториях

за все человеческое существование животным. – Но еще мой предшественник доказал, что опыты над людьми правдоподобнее и лучше, чем на макаках.

– Таких как ты надо самих подвергать сдиранию кожи. – Зашипел Ноам.

– Ты так думаешь? – Илерия поцокала языком. – Но сначала мы сделаем это с Вами, господин 9456.

– Будь ты проклята! – Плевков в лицо вернул Илерию из-за алого полога ярости, но не лишил убежденности, что для 9456 нужен перевод на высшие уровни. – Будь ты проклята!

Он все кричал и кричал проклятия. Илерия слышала их еще долгое время и, нырнув в свой кабинет, она спряталась за столом, сев на пол, холодящий ягодицы, обтянутые тонкой тканью юбки и халата.

– Я схожу с ума, – повторяла Илерия, смотря на прихваченную из палаты палетку с кровью.

Только чудом пробирки остались на месте, не разлетевшись по полу от хаотичных движений. Темная густая кровь, принадлежащая Ноаму 9456, вызвала новую паническую атаку.

Меня раскатали

возникло в голове так же неожиданно, как и понимание неприемлемых симпатий к врагу. Раньше она могла желать им только смерти, ведь в них не было ничего человеческого.

Ничего человеческого не было и в Илерии.

*Сегодня на ужин у них соседи,
А завтра, может, буду я...*

Завтра наступит с заходом солнца. Хотя оно еще высоко, где-то там на поверхности.

А в кабинете же царил тьма. Она въелась в каждый предмет интерьера от громадного деревянного стола до пейзажа на стене, расплываясь чернильными пятнами теней из-за тусклого света в аквариуме в нише шкафа, в котором плавали мелкие роботы-рыбешки.

Желание оставаться самой собой было приоритетным для Илерии, бережно хранимым на протяжении жизни, чтобы ни случилось, какая трудность бы не наступала в ее судьбе. И вот запах краха приблизился к порогу ее дома.

Другой человек бы задался вопросом: «что такого в подобной реакции?» И вряд ли смог бы получить вразумительный ответ. Черное и белое давно смешалось в однородную массу.

Главная мораль Илерии – сопротивление эмоциям. Она видела, насколько низко могут пасть люди, и старалась найти другую для себя дорогу. Самопожертвование, гнев, с ее работой могли бы вызвать у любого катарсис, вряд ли когда-нибудь бы закончившийся очищением от глубинных страхов и переживаний.

Желание найти разгадку усиливало демонов Илерии. Они шептали на ухо о надобности двигаться вперед, ускориться, найти выход.

На сегодняшний день сделано минимум шагов к спасительной разгадке. Ни она, ни ублюдок доктор Джеймс не продвинулись ни на миллиметр.

– Черт его дери! – Сказала Илерия, вытирая рукавом слезы.

Все опять закручивалось, и как ее раскрутить, она не представляла. На это может уйти много времени. Илерия, еще не до конца привыкшая к мысли о том, что она уже дома, все еще продолжала биться об эфемерные стены, пытаясь найти выход.

Глава восьмая

На столе зазвонил телефон. Его трель взбудоражила застывшую в тишине комнату.

Справившись с собой после неожиданной истерики, Илерия встала и осторожно положила палетку на стол, опасаясь повредить колбы.

– Да, я слушаю, – ответила Илерия, поднимая трубку, но ее спокойствию тут же пришел конец. – Что? Я сейчас буду!

Рассеяно оглядевшись, постаралась собраться. Но поняв свою никчемную медлительность, сорвалась с места. Застопорившись у ранее закрытой на замок двери, она все же оказалась снаружи. Яркий свет вспышкой ударил по глазам и, не видя перед собой ничего кроме белого полотна, Илерия побежала по коридору.

Кто-то несанкционированно удалил данные с сервера лаборатории. Она не понимала, как в таком отлаженном до мелочей мире мог произойти взлом. Илерия не хотела гадать, что именно произошло, но внутреннее чутье стало пиликать тревожным звонком. Еще никто никогда не сталкивался с подобным. В лабораторной группе явно завелся червь, ведущий двойную игру.

На минус первом этаже царил точно такой же порядок, как и на минус шестом.

– Госпожа Грей! – ее встречал молодой поджарый парень в квадратных, как и его лицо, очках. – Сюда!

Она знала куда идти, но не позволила своим эмоциям взять над собой вверх, как то было ранее. Она желала поскорее выяснить обстоятельства дела, а не отношения с неизвестным ей работником, которого предварительно обвинила в некомпетентности.

– Что, драный пес, здесь творится? – спросила Илерия, врываясь в кабинет, не слишком любезно посторонив очкастого парня.

Внутри черной коробки-комнаты с множеством экранов и кнопок уже присутствовали Виктор и начальник безопасности Вэнс Додсон.

Увидев последнего, Илерия захотела перегрызть ему глотку, дабы с кровью получить все ответы. Хотя ее зубы вряд ли смогли бы даже прокусить жирную складку на шее этого милого добряка Вэнса.

– Как Вы могли подобное допустить? Какие данные удалены?

– Данные за последние две недели из Вашей лаборатории и больных доктора Джеймса за последние полгода, – ответил парень в очках, прячась за мощной фигурой Вэнса Додсона.

– Потрясающе! – разведя руками, Илерия отвернулась к стенке и прислонилась к холодной поверхности лбом.

Это все то, что она смогла восстановить по своему первому проекту по ретровирусу после возвращения. Тонны

информации, которые даже у самого продвинутого гения не могут держаться в голове.

– Доктор Джеймс! – поприветствовал Виктор влетевшего, как и Илерия ранее, мужчину.

Он задавал такие же вопросы и гневался так, как подобает в подобной ситуации.

– Кто это сделал? – спросила Илерия, не меняя положения. – Видео? Регистрационные данные?

– Ничего, – ответил Вэнс Додсон, оттирая пот с лица, лишь бы не видеть, как в этот момент на него глянули и доктор Джеймс, и Виктор, и Илерия. – Эти данные тоже были уничтожены.

– Вам пора на отдых, – зашипела Илерия, выпрямляясь, – Вам так не кажется? Вы не думаете, господин Беркли, что отделу безопасности нужен новый начальник?

– Мне тоже интересно, как и почему подобное произошло, – Виктор выглядел хмуро. Под стать всем окружающим.

– Как такового взлома и не было, – Вэнс Додсон явно пытался оправдаться. – Кто-то имел доступ к системе, иначе он бы не смог проникнуть ни на первый уровень, ни в саму базу данных.

Оттирая все так же обильно выступающий пот, он мялся посреди комнаты, боясь посмотреть кому-либо в глаза. И было заметно, что больший ужас на него нагонял Виктор, член Совета Шести.

– Вы хотите сказать, что это кто-то из своих? – Илерия усмехнулась.

– Да, – заикаясь, подтвердил Вэнс Додсон. – Кто-то, у кого есть доступ...

Доктор Джеймс вспыхнул:

– Только у троих отсюда он есть, кроме Вас, конечно!

Вот именно. Илерия могла отместить себя и доктора Джеймса. Он пусть и убудок, но не идиот вредить себе же.

– Куда смотрела охрана? – Спросил Виктор, стукнув кулаком по столу. – Стив, выйди, – приказал он очкарику и, дождавшись, когда они останутся вчетвером, сказал: «Эта информация была важна для правительства! Совет Шести не оставит этого без надлежащего рассмотрения».

От переживаемых эмоций, он не находил, что сказать. Как, в прочем, и доктор Джеймс, массирующий себе виски.

– Я уже сообщил во внутренние органы, и тебя вместе с дежурной охраной допросят, – продолжил он, обращаясь к Вэнсу Додсону. – Твою семью уже оповестили о аресте.

– Но! – Тот всколыхнулся. Алая краска с его лица спала, уступая бледности.

– Никто из присутствующих не покидает здание, ясно? – Виктор встал и уже у самого выхода бросил Илерии приказ идти за ним.

– Я должна быть на суде через два часа!

– Допрос будет произведен заочно через видеомониторинг в моем кабинете.

О чем думать, когда столько всего вдруг навалилось? Хотя первый шок от случившегося прошел, он сменился еще большим негодованием.

– Это была важная разработка! – Сказала Илерия. – Я смогла расшифровать больше половины данных!

– Берите пример с доктора Артура Джеймса, – ответил ей Виктор. – Он имеет привычку хранить дополнительные копии на бумаге.

Странно, почему она не подумала об этом сразу. Кто-то целесообразно уничтожил данные. Этот кто-то имел доступ к серверу и один из троих допущенных к этому уровню был так же доктор Джеймс. Эти мысли наталкивали на единственное решение сложившейся аксиомы.

– Я вижу, что вы начинаете подозревать его? – Хотя Виктор и выглядел строго и рассержено, в голосе все равно промелькнули веселые нотки, напомнившие Илерии ее истинные чувства к нему.

Гуманизм и посвящение масс в него. Как далеко он сможет зайти в наказании виновных, и не он ли причастен к этому?

– Не нужно так сразу делать выводы, госпожа Грей, – он смотрел на нее как на забавную зверюшку. – Доктор Джеймс предан своему делу сильнее многих из нас. Ну, да! Ему, возможно, не достает Вашего ума и способности абстрагироваться, но он, все же, не способен навредить своему детищу.

– Вы так уверенно об этом говорите! – Илерия рассмея-

лась так, как возможно смеяться только в подобных ситуациях. – Может, Вы считаете, что это я?

Но Виктор лишь хмыкнул, неуверенно покачал головой и посоветовал привести себя в порядок перед трансляцией.

С одной стороны Илерия мысленно поблагодарила Виктора, что он напомнил ей о суде, но с другой оставалась недовольна работой отделом безопасности, в чем Виктор виноват не в меньшей степени, чем Вэнс Додсон или несущие службу в злосчастный день охранники.

Вновь вернувшись на минус шестой, Илерия первым делом решила заняться кровью, полученной ранее. По неосмотрительности и другим уже известным причинам, она оставила ее в кабинете, наплевав на технику безопасности.

Будто вновь наступили детские времена, когда было позволено допускать ошибки, а потом решать. Взрослые сводили все к малому возрасту, когда все имеют право на забывчивость или невнимательность. Но в том-то и проблема, что Илерия выросла и выбрала работу, где единственная ошибка могла понести ряд катастрофических последствий.

Позабывшись о крови, она заглянула в окошко палаты, где держала испытуемого. Отдельное помещение, отсутствие оков – потрясающие условия, не возможные для большинства, а точнее никому.

Она бы посвятила сегодня больше времени для распро-

сов об Асаране, но все как-то пошло верх тормашками. Она благодарила судьбу и свой разум, что хранила данные, связанные с личным расследованием, лишь на собственном компьютере. Илерия поняла важность трусости.

Пытаясь справиться с холодом, она спрятала руки в карманы, и подобралась. Постепенно она смирилась с потерей данных и задумалась о более насущной проблеме. О мужчине, что спас ее из плена.

Илерия не знала, что будет говорить, но надеялась на находчивость и на понимание судей.

– Госпожа Грей! – К Илерии приблизился военный. – Вам нельзя здесь находиться. Советник по безопасности приказал провести Вас в кабинет господина Виктора Беркли для ожидания допроса.

– Но это же через час! – Воскликнула она, подталкиваемая солдатом в направлении выхода из крыла. – И что потом? Посадите в клетку?

– После Вас направят в следственный отдел. Покидать здание Вам запрещено до выяснения обстоятельств.

– А как же мои пациенты?

– Любая деятельность тоже запрещена, – неуклонно зачитывал приказ солдат и, подтолкнув Илерию к лифту, нажал на двойку.

Возможность лицезреть Виктора, что непременно будет зачитывать ей морали и принципы человеческого бытия радовала ее меньше, нежели конвой, тенью следующий за ней

даже в туалет. Но спорить она не собиралась, прекрасно все понимая.

В кабинете к ее удивлению оказался не Виктор, а доктор Азимов, как всегда одетый в дорогой темный костюм и восседающий в излюбленной позе: нога на ногу.

– Добрый день, Илерия, – сказал он. – Вы, смотрю, не скучаете.

Его взгляд пробежался от нее к солдату, невозмутимо вставшему около двери.

– Вы свободны, лейтенант.

– Что Вы здесь делаете? – Изумилась Илерия.

– Присаживайтесь. – Он галантно привстал, отодвигая для нее стул. – У нас еще столько всего, что нужно обсудить.

– Мне нужно подготовиться к слушанию, – как бы возражая, сказала она. Но все же села на предложенное место, понимая, что сопротивление может повлечь неприятное недопонимание со стороны доктора Азимова, мурлычущего, как объевшийся сметаны кот.

– Вам всего-то и нужно говорить только правду, – в его глазах читались самые светлые намерения вывести ее из зоны комфорта.

– Я и не собиралась делать противоположного, доктор Азимов. – Она отпила немного воды из стакана стоящего на столе напротив нее.

– Можете потренироваться, Илерия, – сказал он, делая глоток воды из того же стакана. – Я Ваш врач – доверьтесь

и все получится!

Илерия глянула на него с подозрительным прищуром. Обещания спокойствия были каждодневными во время сеансов. Пусть привычка видеть его лицо и появилась, но расслабляться было непозволительным. Пес на поводке может оказаться опаснее волка в лесу.

– Я и не сомневалась.

Улыбалась она правдиво. Может именно это внушило доктору Азимову, что он на верном пути.

Разглядывая свое лицо в отражении лакированной столешницы, Илерия слегка углубилась в себя. Но настолько, чтобы слышать, что ей говорят и чтобы осмысливать воспоминания.

– Как хорошо Вы помните Валентина Уварова?

– Помню лишь некоторые черты лица, – без промедлений ответила Илерия.

– О чем Вы с ним говорили?

– Мы с ним не говорили.

Ответ на этот вопрос прозвучал не так быстро и уверенно, как прошлый и не из-за того, что Илерия врала, нет, она пыталась представить какой у него голос. Такой же мужественный, как и подбородок? Мягким у такого человека он не может быть.

– Он даже не представился Вам? Не спросил Вашего имени? – доктор Азимов наклонился к ней ближе. – Столько дней вместе и ни единого слова?

– Я приходила в себя слишком редко и все плохо помню, – сказала Илерия.

– Значит, Вы ранее не были знакомы? – Получив утвердительный кивок, он продолжил:

– Вы, наверно, слышали, что я очень сильно люблю читать? – Он вновь помедлил. – Моя страсть – антиутопии. В этих произведениях главный герой всегда идеализирует мир, в котором живет, трудится на благо государства, верит в предложенные правительством ценности, – он сверлил Илерию взглядом. – Но вот происходит что-то такое, что меняет персонажа полностью: смерть любимого, близких; открывшаяся правда о несправедливом правителе. Он начинает мстить за навязанные идеалы, попутно спасая обездоленных.

– К чему Вы клоните? – Спросила Илерия, повернувшись к нему всем корпусом. – Намекаете, что я стала врагом системы?

Доктор Азимов выставил перед собой ладони, показывая неправоту ее выводов. Весь его облик говорил: «Я просто веду беседу!»

И как в подтверждение произнес:

– Я прошу не верить чистым помыслам капитана Уварова. Он слишком долго был вне закона...

– Он был в плену, а не вне закона!

«Прошу, не кипятись!» – Мелькнуло тут же в ее голове. Сжав кулаки, она вновь отвернулась от него. Слегка помор-

щившись своей реакции на простые, казалось, слова.

– Вы прониклись к нему симпатией, Илерия, – доктор Азимов положил ей руку на плечо. – Я понимаю, что он спас Вас, но поймите и нас – мы не можем доверять таким людям. Его могли сломать.

– Даже так?! – Илерия захохотала. – А меня, значит, нет? Наступила тишина. Они смотрели друг другу в глаза, каждый ища что-то свое.

– Осторожнее со словами, милая, – сказал он ей на ухо. – Ваши заявления могут плохо сказаться на Вашей репутации. Ваш покровитель расстроится.

Илерия уставилась на губы доктора Азимова, пытаясь понять, что услышала.

– Имени не скажу, но уверяю, он вдохновенно защищает Вас, – уточнил доктор Азимов. – Если бы не он, – откинувшись в кресле, почесал затылок, – Вас вряд ли бы допустили к работе. Ну, и прекрасные данные сыграли свою роль, пусть и крохотную. Ваши идеалы живут на клеточном уровне, не уверен, что их можно уничтожить, – доктор Азимов шутливо подмигнул ей, – Если, конечно, Вам не подсунули чужую душу.

Шутка удалась. Илерия бы посмеялась, да вот «чужая душа» уже давно «засела» в ее жизни.

Доктору Азимову удалось вырвать палку из ее рук, а канат стал раскачиваться настолько сильно, что обещал скинуть ее с себя.

– Этот человек из Совета Шести?

Никто другой не смог бы так повлиять на ее судьбу. Власть, данная им, позволяет решать и не такие проблемы. Но кто он доктор Азимов не сказал, лишь заговорчески улыбнулся, вынуждая ее испытывать муки незнания.

– Я, кажется, слишком много говорю, – сказал он, поправляя воротник рубашки. – Выдаю секреты. Во всем виновато Ваше прекрасное личико!

Как в насмешку шрам свело легкой судорогой. Зуд иглами впивался в шею.

– Лесть Вам не к лицу.

– Я, как психолог, вижу слабые места, – ответ на ее выпад оказался доходчивым и, вполне ожидаемым. – Подобные комплексы – распространенная вещь в нашем мире. Они управляют людьми, доказательства же несовершенств находятся на всем жизненном пути. «Если бы не этот нос, если бы не эти ноги»... Разве грудь на размер больше может прибавить ума? Никак нет, – он коротко глянул на бюст Илерии. – Размер молочных желез не отвечает за размер серого вещества в черепной коробке. А жаль, не правда ли?

Пунцовая краска на ушах Илерии выдавала ее стыд и злость от выбранной аналогии. Грудь у нее была меньше, чем хотелось любой девушке, но вот ум точно в том количестве, которому позавидует большинство.

– Не имею понятия.

– Я слышал, что судья поклонник некоторых Ваших изоб-

ретений. – Прервав тишину, сказал доктор Азимов. – У его жены рассеянный склероз.

– Надеюсь, лекарство ей помогает, – безучастно ответила Илерия.

– Будьте уверены! – Он всплеснул руками. – Оу! Через пятнадцать минут у нас эфир!

Волки вышли на охоту.

Илерии страсть как хотелось выволить Валентина из тюрьмы. Нежелание оставаться в долгу парализовывало ее и лишало здравого смысла. Да, он военный и все по закону. Да, он незнаком ей, но ее логика была против такого.

– Как друг дам еще один совет, – сказал доктор Азимов, – забудьте о своем добром отношении к капитану Уварову, Илерия. Особенно, когда сюда войдет судебный представитель.

Илерия кивнула.

Через несколько минут в кабинет и вправду вошла рослая женщина. Довольно внушительный нос первым обращал на себя внимание, а потом и короткие рыжие волосы.

– Добрый день, – она поздоровалась сначала с доктором Азимовым, мило ему улыбнувшись, а потом и с Илерией. – Меня зовут Альба Санна. Я судебный представитель на сегодняшнем слушанье. – Она села во главе стола и, включив экран, стала настраивать связь. – Ваша ситуация усложнила

все, но начальство базы запретило Вам выходить из здания до дачи показаний по делу взлома.

Альба Санна широко улыбнулась, глянув на Илерию.

– Соболезную Вам. Не могу представить, что Вы сейчас чувствуете, – в ее глазах читалась искренняя поддержка, подкупающая с первого раза. – Совет Шести взбудоражен не меньше Вас. Ранее я видела Виктора Беркли, он в отчаянии... бедный.

– Вы хорошо знаете господина Беркли? – Спросила Илерию, любясь добрым лицом. – Я не думала, что отдел безопасности позволит расползтись слухам.

– Я, как и Вы, госпожа Грей, и доктор Азимов, естественно, имею много привилегий, иначе меня бы не приставили к Вам на время слушаний, – она рассмеялась. – Не думали же Вы, что я простой секретарь?

– Простите, – потупив взгляд, ответила Илерию.

Ей было почему-то безумно стыдно, что она не восприняла Альбу Санна всерьез, упустив из виду царящую вокруг бюрократию. Но доктор Азимов же, напротив, не был удивлен.

– Ах да! – Альба Санна достала из своего черного портфеля папку и передала ее Илерии. А потом и вторую, уже предназначавшуюся доктору Азимову. – Вам нужно подписать эти документы, – она взглянула на часы на запястье. – У нас две минуты. Все, что будет сказано в этом кабинете, должно сохраниться в секрете, иначе Вам не позавидуешь, –

опять жизнерадостная улыбка осветила ее лицо.

Она, наверно, невероятно счастливый человек. Илерия завидовала непринужденности в ее голосе и поведении. И даже читая положение о неразглашении деталей суда, поглядывала на нее из-под бровей.

– Готово? Отлично! – ее пальцы быстро пробежались по сенсорной клавиатуре, и на проецируемом экране всплыло окно.

Илерия с интересом рассматривала зал суда, заметив, что в нем находится около десяти человек, в том числе и Совет Шести.

Судья выглядел побитым жизнью мужчиной в возрасте, седой на большую часть когда-то явно черных волос.

– Поприветствуйте судью, – Альба Санна встала, замерла в поклоне.

Илерия и доктор Азимов повторили за ней.

– Госпожа Илерия Грей, Вы выступаете как главный свидетель в деле бывшего капитана главной армии Крон-а Валентина Уварова, – четко сказал судья. Его звали, как ранее выяснила Илерия, Леон Денёв. – Клянетесь ли Вы говорить правду и только правду?

– Да.

– Вами был подписан документ о неразглашении деталей судебного процесса. В случае нарушения Вам грозит военное преследование и тюремный срок до десяти лет с отменой всех регалий и личных достижений. Вам это понятно?

– Да.

Илерия хотела уже закончить эти разглагольствования, чтобы поскорее увидеть мужчину, спасшего ее. У нее, наконец, появилась возможность услышать его голос. Через монитор она не могла толком разглядеть его лица, но всеми силами пыталась. Он сидел в серой тюремной форме.

– Госпожа Илерия Грей, Вам знаком этот человек? – камеру навели на его лицо.

Вот он какой, капитан Валентин Уваров: прямой нос, сильный подбородок, зеленые глаза. Очень уверенный взгляд. Сердце Илерии сжалось от переполняющего чувства благодарности. Оглушающий стук сердца чуть затих и вновь погнал кровь по венам с еще большим шумом. Заложило уши.

– Госпожа Грей? – голос судьи Леона Денева вырвал Илерию из ее молчаливого любования. – Вам знаком этот человек?

– Да, – выдавила она из себя.

– Расскажите суду, где и при каких обстоятельствах произошла Ваша первая встреча.

Вспотевшие ладони горели. Наспех вытерая их о юбку, натянутую на бедрах, Илерия помедлила. Перевела взгляд с Валентина на доктора Азимова. Тот ждал ее ответ и со свойственным ему прищуром наблюдал.

– Я смутно помню.

– Расскажите то, что помните, – настаивал судья.

– Я увидела его впервые, когда мы сбежали, – голос Илери задрожал. Волнение иссушало горло. – По-крайней мере, я так помню. Он, Валентин Уваров – имя я выяснила уже в больнице от доктора Артура Джеймса – вел автомобиль, – она судорожно закивала. – Это точно он!

– Не волнуйтесь, – прошептал доктор Азимов.

Пару глубоких вздохов не особо помогли. Лишь глоток воды немного успокоил трясущиеся поджилки.

– Чем вызвано Ваше волнение, госпожа Грей? – вопрос принадлежал г-же Марии, раздетой в строгий костюм. Синяя мантия, накинутая сверху, слегка прикрывала ее плечи.

– Госпожа Грей долгое время провела в плену, госпожа Мария, ее волнение вызвано этими воспоминаниями, – вступился неожиданно для Илери доктор Азимов.

– В этом причина, госпожа Грей? – спросила госпожа Мария.

– Да.

Поддержка удивительным образом помогла Илери взять себя в руки. Мысленно она обещала отблагодарить доктора Азимова за столь любезное присутствие здесь. Он заочно был определен в люди, приставленные к ней для ее потопления, но все оказалась как раз наоборот.

– До побега Вы с ним не были знакомы? – спросил судья.

– Нет.

– За дачу заведомо ложных показаний Вас ждет то же, что и за разглашения деталей дела, Вам это известно?

– Да.

Илерия чувствовала себя попугаем. Не очень умной заикающейся общипанной птицей, думающей лишь о рыцаре, спасшем ее из лап чудовища.

– Хорошо, – кивнул судья, обратившись к Валентину Уварову. – Вы знаете эту женщину?

– Да, – глухой, но внятный голос. – У меня было время запомнить ее.

Илерия затаила дыхание, моля Господа, чтобы этот мужчина рассказал, почему спас ее. Где она, черт дери, была и почему почти ничего не помнит? Нервное состояние вызывало головокружение.

– Расскажите суду, как Вам удалось сбежать из плена, и почему Вы сбежали только с госпожой Илерией Грей?

Он немного помолчал, обдумывая слова.

– Асаран собирался продать меня и госпожу Илерию другой группировке, и когда происходил обмен, я, убив троих конвойных, угнал автомобиль. Соответственно я не мог бросить девушку в бесчувственном состоянии, – сказал Валентин.

– Как Вы объясните, что госпожа Грей ничего не помнит? – вопрос г-жи Марии прозвучал с издевкой. – Ведь она пробыла в плену год! И неужели все это время она была в плохом физическом состоянии?

– Я не могу этого сказать, так как до момента побега ни разу не сталкивался с ней.

– Для чего ее лечили? Не выгоднее ли было позволить ей умереть? – Виктор покачал головой, выказывая неверие.

– Асаран торгует органами, – Валентин говорил без надрывов, не пытаясь кому-то что-то доказать, просто излагал то, что знал. – Дзюба очень много заплатил за нее.

– Дзюба – это главарь неосепаратистов? – уточнил судья. – В первых рядах у охотников. Его отряд ни разу не потерпел поражения. Так как Вам удалось убить троих и при этом увезти столь ценный груз?

– Я капитан главной армии Крон. Я носил звание Во/льта больше пяти лет, – ответил Валентин. – Наблюдательности нас учат еще в академии.

– Бывший капитан, не забывайте! – усмехнулась г-жа Мария. – Значит, госпожу Грей и Вас Асаран хотел продать адлеровцам на органы? Почему Вас так долго продержали в плену?

– Я был использован для черных работ в заброшенных отсеках бункера, – Валентин не терпел ее выпадов, но отвечал сдержано.

– Госпожа Грей, – судья Леон Денев вновь обратился к ней, – Вы что-нибудь можете подтвердить из сказанного господином Уваровым или добавить?

– Капитан Уваров был ранен, как я могла заметить, когда приходила в себя, – Илерия подбирала слова. – Я склонна верить ему и его военной чести.

Г-жа Мария хохотнула.

– Госпожа Мария, прошу сохранять тишину в зале, – судья поднял ладонь, прося слушать его. – Доктор Азимов!

Госпожа Мария подчинилась, так как даже ее высокое положение не позволяло ей перечить. Организация СВИ находилась выше по иерархии, чем Совет Шести. В нее входило пять судей, решающих вопросы военных преступлений. А доктор Азимов же всем своим видом излучал невозмутимость, хотя обращение судьи Денева заставило его встrepенуться.

– Да? – он подобрался, ожидая вопроса.

– Расскажите о наблюдениях за пациенткой госпожой Грей.

Доктор Азимов вновь расслабился и ответил, расписывая Илерию как примерного пациента с хорошей психической динамикой.

Далее Альба Санна попросила попрощаться с судом и прервала связь по настоянию судьи.

– Почему Вы так усиленно хвалили меня? – Илерия повернулась к доктору Азимову, не доверяя его добродушию, и шепотом спросила:– Этого тоже просил мой покровитель?

– Это суд, милая, разве я могу врать? – он встал и, пожав руку Альбе Санн, вышел из кабинета.

Илерия вздохнула. Слушание прошло, а она так толком и не пришла к внутреннему согласию. Увидев Валентина, лишь обрадовалась и одновременно восхитилась. Сильные люди ей казались небесными жителями, к которым она стре-

милась всеми фибрами души.

– Он странный, этот доктор Азимов. Но привыкнуть можно, – сказала Альба Санн, так же собираясь покинуть кабинет. – Желаю удачи. У Вас еще очень долгий день впереди.

– Почему они не спросили про сегодняшнее происшествие с базой данных?

– Об этом просил Совет Шести.

И Илерия осталась одна в тускло освещенном помещении, полностью выжатая, как бы банально это не звучало.

Глава девятая

– И я должна слушать это? – Илерия вскочила со стула. – Мне нет дела до чьих-то нелепых предположений!

– Госпожа Грей, сядьте, пожалуйста! – настаивал следователь. – Я не договорил.

Илерия подчинилась, но ее лицо продолжало выражать неприязнь. Заявления следователя – низкорослого мужичка с лысиной на пол головы – звучали абсурдно, как детские сказки.

В кабинете без окон и дверей воздух был какой-то сухой, и при каждом вздохе царапал глотку. Обстановку не могли разбавить даже гербы Зес и Крон-а не могли разбавить. Илерия разглядывала их, пытаясь абстрагироваться. Символ Зес – золотая змея, пожирающая себя за хвост, заключенная в такого же цвета треугольник на черном фоне. А Крон же, как столица – белый бык на черно-красном.

– У доктора Артура Джеймса есть алиби, у господина Беркли тоже, – сказал он, почесывая лысину.

– Я спала в это время! – Илерия ударила ладонью по железной столешнице. – У меня было много работы, и я решила остаться. Что непонятного в моих словах? Я не поднималась на второй уровень, следователь Джим.

– Кто-нибудь может подтвердить?

– Не кажется ли Вам нелепой сама мысль удалять соб-

ственный труд? – она развела руками. – Может, кто-то против моего проекта? А? Допросите всех, кто был в это время на минус втором. Вы держите меня в этом кабинете уже больше трех часов! У Вас больше работы нет?

Следователь закрыл папку.

– У Вас интересное досье! – раздраженно сказал следователь Джим, опираясь о стол, чтобы встать. – Советую признаться, госпожа Грей.

– У Вас есть доказательства?

Ну вот, она заговорила как преступница.

– Как Вам удалось удалить запись? – не унимался он.

Только Илерия хотела отвесить колкость по этому поводу, как в комнату вошел Виктор.

– Отпустите уже бедняжку и займитесь более полезной работой, следователь Джим.

Виктор выглядел не лучше Илерии. Такой же всклокоченный и с мешками под глазами.

– Но, господин Беркли!..

– Идите, проверьте еще что-нибудь, – махнул он рукой на выход, занимая освободившееся место. – Идите, идите!

– Да, господин Беркли.

Прожигая взглядом дырку в еле прикрытом скудными волосами затылке следователя, Илерия ослабилась.

– Опять играете в защитника? – обратилась она к Виктору, почувствовав свободу от опостылевшего общества воняющего потом следователя Джима. Гротескный персонаж

умел потрепать не только нервы, но и лишить физических сил. – У меня уже язык устал объяснять, что я Не При Чем!

– Это так? – огорошил вдруг Виктор. – Мне бы хотелось узнать, на чьей Вы стороне.

Илерия нахмурилась. Он смотрел на нее со свойственным только ему вниманием.

– Доктор Азимов что-то сказал Вам? – спросил он, наливая в стакан воду и протягивая его Илерии. – Он, конечно, славный малый, но тайные заговоры и большое увлечение чтением играет с ним печальную игру. Он – то злодей, то таинственный мудрец. Советую говорить с ним лишь по делу и не толкать руку по самый локоть в глотку тигра.

– Зачем Вы мне это говорите? – Илерия приняла стакан, но тут же отставила его в сторону. – Какие еще тайные заговоры?

– Вчера он поведал мне удивительную историю о Вашем таинственном покровителе, – он рассмеялся. – Но поверьте – это игра его воображения! Совет Шести со скрипом принял Ваше восстановление и вот сейчас сомневается в правильности данного выбора.

Озноб потоком пронесся по ее телу. Невероятно быстро сгущался туман, беспощадно уводя Илерию с пути, топя в болотах пересудов и недоверия.

– Вы потрясающий ученый, но приносите больше проблем, чем пользы, – Виктор смотрел ей в глаза. – Молите Бога, как бы карты не легли против Вас. Госпожа Мария ждет

не дожидается, чтобы повесить колокольчик. В ее маленькой головке на Ваших ногах давно надеты кандалы и так миленько стучат друг о друга «динь-дон-динь-дон» пока Вы дергаетесь на виселице.

– Я не причастна ко взлому, – твердо повторила Илерия, уже ненавидя эти слова до зуда в деснах. – Мне еще раз это повторить?

Виктор вздохнул и опустил взгляд.

– Признак хорошей работы в том, что она хорошо сделана, – он помедлил и добавил: «Вы можете идти».

– Спасибо – Илерия кивнула в знак почтения и направилась к выходу.

– Желаю Вам прекрасных сновидений!.. Говорят, сны – это жизни чужих душ в нашем теле.

Последние слова Илерия услышала, закрывая дверь. Они еще некоторое время крутились в ее голове, пока щек не коснулся холодный ночной воздух. За ограждением виднелась улица, полная правительственных учреждений. Наверное, именно поэтому, в большинстве случаев, после восьми вечера здесь было тихо. Прекрасная альтернатива шумным торговым проспектам.

Маркус уже ждал Илерию у автомобиля. Лишь завидев ее, склонил голову в приветствии и открыл дверцу. Сегодня он словно превратился в невидимого призрака. Должно быть, сказывался тяжелый день.

«Удивительно», – думала Илерия, смотря на мелькающие

за окном машины пейзажи – как резко может повернуться жизнь.

– М-да, – она вздохнула. – Сны – жизни чужих душ в нашем теле.

Она пыталась разгадать смысл этих слов, примеряя к себе. Но Виктор, безусловно, не мог знать о ее расстройстве. Он говорил загадочными словами, как впрочем, и доктор Азимов. Но, в отличие от последнего, хранил вокруг себя некоторую закрытость. Он словно смотрел сквозь нее. Что-то неуловимое было в нем. Ускользающее, можно сказать – скользкое.

Чтобы отвлечься от губительных мыслей, Илерия попыталась сфокусироваться на панорамах за окном. Зес был прекрасен. Вдоль улиц тянулись сплошные высотки, прижатые друг к другу боками. Их кирпичные тела украшали неоновые вывески, гласящие о невероятных скидках и новинках. Люди, живущие какой-то своей отдельной от всего мира жизнью. Кто-то прекрасно вписывался в городской пейзаж, но кто-то все так же выделялся своей особенностью. Именно она и отталкивала Илерию от них. Ей было страшно подумать, что творится в этих крашенных головах, или какие тайны скрываются в глазах, спрятанных за вставными линзами или очками, нахлобученными на нос. Она никогда не любила толпу, многолюдные улицы. Ей претили даже запахи из продуктовых лавок под открытым небом.

Она не считала это снобизмом. Нет, она видела в своих

привычках издержки воспитания. Ее мама, Колет Грей, ухоженная женщина, в меру красивая и умная, проводила в веселье много времени. Любви к ней это не ослабляло, но внушило, что люди могут мешать, отвлекая от важного. Как то делали многочисленные друзья мамы. Вечеринки – неприятные для Илерии воспоминания. Она не могла обвинять ее в странных увлечениях, ведь уже тогда понимала насколько сильно влияние человеческого горя. Для Колет Грей трагедией стала потеря мужа.

Мама часто рассказывала о нем, показывала фотографии. Отец Илерии был безумно красив: широкая улыбка, аристократическая форма лица; карие глаза, доставшиеся Илерии. Наверное, именно улыбающееся лицо отца с фотокарточек внушило, что хороший человек улыбается как он.

Поездка уводила Илерию в пространные воспоминания. Она думала обо всем, что когда-то знала. Мысли о родителях смягчили выражение ее лица.

Одиночество после ухода мамы из жизни завладело Илерией полностью. Никто не мог сравниться с великолепной Колет Грей. С ее безукоризненным внешним видом, с ее стремлением почувствовать вкус уходящего времени. Она улавливала хорошее даже в негодях. Илерии досталось от нее малая часть. Например, привычка заплетать волосы в пучок, и, конечно же, тонкие губы. Их, в отличие от мамы, она никогда не красила красным.

Оказавшись у дома, Илерия не спешила выходить из ма-

шины. Она мысленно взывала к матери, прося о помощи. Запутавшись в себе, людях, судьбе – пыталась выбраться и понять, кому же можно верить.

Маркус ждал. Илерия знала, что он смотрит на нее, но не обращала внимания. Ее взгляд был устремлен на темные окна собственного дома. Она столько раз возвращалась сюда, но все равно после освобождения не переставала видеть в нем далекое потерянное спокойствие. Словно там поселился страх, ранее скрывающийся, но сейчас он уже выступал из комнат, в которые Илерия так редко входила.

И вот, Маркус уехал, а она осталась одна, стоящая посреди двора. Шелестела листва на низких деревьях. Приятный звук вторил настроению.

Доктор Азимов посоветовал не приходить в лабораторию несколько дней. Илерия любила работать, но приняла совет как должное. Она устала. И первым признаком были мысли о маме.

– Ах, Колет! – Илерия запрокинула голову, смотря на ночное небо. Купол сегодня был прозрачным, и звезды сияли как никогда ярко.

Желание спать усиливалось с прямой прогрессией, потому Илерия поспешила войти в дом.

Свет не скрывал бездушную зелень стен. И, поразмыслив, стоя посреди квадратного коридора, Илерия занесла с крыльца большую вазу с пальмой. Она прекрасно вписалась между столиком и пуфом. Включив на кухне чайник,

скинула пальто, опустила взгляд: на уставших от туфель ногах вздулись вены. Наведенный имбирный чай пился с удовольствием, освежая пряным вкусом. Даже тонкая фарфоровая кружка удобно лежала в руке. Приятная нега в домашней обстановке сравнима с жарким костром на осеннем ночлеге под открытым небом. Как бы это не звучало, вокруг Илерии разворачивалась осень: и природная, и душевная. Но в мороз страшнее ветер. Чем больше скрывалось правды, тем глубже вырывалась яма. Судьба шептала: «остановись». Болтаясь «колокольчиком», не вини звонаря.

Но уснуть не помог ни чай, ни горячий душ. Илерия ворочалась с боку на бок, раздражалась то скомканным или холодным простыням, то слишком теплому одеялу. Прорывав проклятия, она вскочила на ноги и уставилась на подушку, думая о своей никчемности. Впервые она так сильно боялась потерять логику в своих действиях. Виноваты ли в этом наркотики, о которых говорил Валентин, или душевная травма? К общей картине прибавлялись догадки о психологических экспериментах. Не раз в стенах их научной базы ломали людей: сильных и слабых.

Илерия закрыла лицо руками.

Ее слух перестал воспринимать тишину как таковую. Шумела та же вода в трубах. Звук был почти неуловим, но в нем присутствовал голос. Опять текли слова по комнате, неясные человеческому слуху.

Через разведенные пальцы полосатое пространство ком-

наты виделось Илерии не таким пустым и серым. Черная дыра открытой двери гардеробной выпирала наружу пузырем. Если присмотреться к ней, то она дышала в такт Илерии, грозя вывалиться за границы порога. Таких мест боятся дети. Что они видят во тьме, известно лишь им. Что-то видела и она. Из дыры исходила невероятная притягивающая сила. Первородный страх внутри клокотал. Но Илерия вопреки разуму продолжала вглядываться в нее. Отвернуться не представлялось возможным. Подойти ближе, сунуть руку внутрь и закрыть дверь – еще более невыносимым.

Блик на чем-то круглом и железном луной выглядывал наружу, уставившись на Илерию Циклопом. А мелкие силуэты склеивались пазлами в один, становясь единым целым – его телом. Оно пульсировала, будто готовясь к прыжку.

А трубы шептали. Голос их усиливался ровно настолько, чтобы его не могли понять. Перед Илерией разворачивался театр ужаса. Невыносимые звуки бередили потаенные страхи.

Не слышать! Она закрыла уши руками и запела под нос:

Волки вышли на охоту.

Сегодня они кого-то съедят.

Сегодня на ужин у них соседи,

А завтра, может, буду я...

Строчки звучали громче и громче, перебивая все звуки

в доме: гул ветра за окном; шум канализации; набат сердца, готового разорваться на части. Но ничто не умоляло черного провала в стене: свет ни из окна, ни от ночника

Илерия делала шаги назад. Повернуться спиной она не решилась. Она опустила руки, настолько медленно, насколько позволяла осторожность.

Страх не бессмысленен. Во тьме может оказаться пусть и не мистический монстр, но реальный, облаченный в человеческое тело. И за долгое время в голову Илерии пришла безумная на первый взгляд мысль: Эрик жив и он вернулся.

Куда он исчез – загадка. Решит ли он отомстить? Люди выживали и не с такими ранами. Безумие? Да!

Волки вышли на охоту.

Шепот позади:

– Забудь...

Илерия отшатнулась в сторону, всем телом оборачиваясь. Из глаз брызнули слезы. На губах застыл крик.

– Кто здесь?

Она сделала шаг в сторону, забиваясь в угол. Превращенная в трусливого зайца, пыталась найти убежище.

– Забудь...

У самого уха шепот прозвучал взрывом.

Из Илерии словно выбили воздух. Он свистом вырвался из широко открытого рта.

За ее спиной. Кто-то стоял за ее спиной!

Находясь по другую сторону, глядя на происходящее со стороны, человек сделал бы выбор бежать и не оглядываться. Да, так было бы правильно. Но что делать тому, кто испуган? Опасность рядом. Дышит в затылок, рычит.

Ноги Илерии с трудом удерживали ее в вертикальном положении, что уж говорить о побеге. Страх очищает сознание.

Илерия увидела ее. Возникшая в отражении круглого зеркала, Анна тянула к ней руку. Она уже не просто видение из сна. Ее влияние умножилось в разы. Но насколько сильно? Сможет ли стекло удержать ее по ту сторону в искаженном, похожем на наш, мире?

А тонкие пальцы тянулись, подчиненные скрытому помыслу.

– ... помнить...

– Кто ты? – лишь губами произнесла Илерия.

– Забудь...

Голубые глаза, красные от лопнувших капилляров белки, тонкие черты лица. Завораживающее движение руки. Указательный палец коснулся поверхности зеркала, оставляя отпечаток. Было ощущение, что она водит по щекам Илерии, желая коснуться их.

Илерия дрожала всем телом, рыдая и задыхаясь. Еще немного и она могла свалиться в обморок. Она попыталась взять себя в руки, но долго ли еще ей предстоит убежать? Каждую ночь? Но ведь видениям больше не страшен солнеч-

ный свет!

– Кто ты? – уже громче спросила Илерия, отступая на шаг-два, пока не уперлась в кровать.

Позади Анны все так же пульсировала тьма, отраженная и более живая. Соединение светлого и темного, одинаково неживого – усиливалось скрипом проводящего пальца по зеркалу. Вдруг, она ударила по нему кулаком.

Резкий звук оглушил Илерию.

– Помнить! Помнить!

Пронзительный крик шел из самой головы, словно порожденный не призраком, а мыслями самой Илерии. Пронзительный до боли. Илерия не выдержала и бросилась прочь.

«Не смотреть!» – приказывала она себе, пробегая мимо всего, что отражало ее, а значит и белокурую Анну, забирающую ее суть себе.

– Забудь!

Она била кулаками в стеклянную дверь, пока Илерия пыталась открыть ее. Стекло дрожало под безжалостными атаками.

– Забудь!

Она кричала в голове. Не прекращала преследовать, пока Илерия не упала, обессиленная, за клумбой с ромашками.

– Чего ты хочешь? – шептали ее губы.

Шрам жгло и в животе возникал мираж старого открытого ранения.

Потная ночная рубашка пропускала холодные порывы

ветра, не в силах удержать тепло. Отрезвляла и мокрая после дождя земля. Она пахла червями и гнилой листвой. Уткнувшись в нее лицом Илерия ощутила себя живой. Звуки угасали подобно звездам.

Наступало утро.

Глава десятая

Неважно, кто ты. Неважно, сколько тебе лет, и какие заслужил регалии. Бросила ли родная мать, ненавидя одну мысль о твоём существовании, или же послушала совесть и сделала из тебя порядочного человека.

Ничто не вечно. Папоротник цветет всего одну ночь.

Тело не слушалось, онемело от холода. Илерия открыла глаза: комья грязи, толстые зеленые стебли. В кулаке сжата охапка мятых ромашек.

Если бы не теплые прикосновения солнца к спине, то неизвестно смогла бы она очнуться. Звуки бодрствующего города сработали как будильник, призывая скорее вставать. Мягкий желтый свет, еще не добравшегося до зенита солнца, возвещал о еще раннем времени.

Конечно, Илерии вовсе не хотелось и дальше коченеть подобно трупу, лежа лицом в грязи под ромашками. Но кровь не спешила разгонять онемение и, наверно, прошло больше десяти минут, прежде чем конечности наполнились жизнью. Скуля больной сухой, Илерия приподнялась. Дыша ртом, глотая крик, преодолевая жжение, она схватила лопату и, используя ее как костыль, встала на ноги. Хотя эту позу вряд ли можно было назвать человеческой: спина уродца-горбуна, дрожащие ноги в косолапом расположении, низко опущенная голова.

Илерия рассмеялась: игра ее воображения достойна самых лучших докторов.

Жжение прекратилось, тело понемногу выпрямилось. Она сделала осторожный шаг.

Илерия благодарила Бога, что он не позволил ей убежать дальше, чем эта грядка с ромашками. Уйди она на дорогу, и все могло обернуться катастрофой.

Дверь открыта нараспашку. Стекло цело, хотя Илерия была почти уверена, что его вышибло сбрендившее приведение. Если Анну можно было так назвать. Илерия так и не поняла, чего та желает. Но вот ее слова останутся в голове навечно. Столько боли, отчаяния, угрозы было в них, столько невероятного стремления сказать их, будто услышанная Илерией, она могла обрести покой. Но ни голоса, ни ее лица больше видеть не хотелось. Сам повелитель кошмаров Аламеда обрек Илерию на страдания. Эта древняя тварь, наверно, сейчас победоносно скалится, почесывая гриву облезлого мертвого пса, прикованного к его колеснице огромной цепью. Но Аламеда лишь сказка, а страдания Илерии очень даже реальны.

Входить в дом или нет? В стекле отражалась безумная женщина, перепачканная землей. Опухшая. Ее уродливость вызывала отвращение. Илерия узнала в ней себя. Из ее глаз брызнули слезы.

Произошедшее... нет, не так. Пережитое не отпускало. Кто бы мог посоветовать, что делать в таких случаях. Мно-

го ли тех, кто вступил на путь безумия, испробовав вкус попустороннего? Их единицы. Они либо прячут истинную суть себя, либо, спроваженные родственниками, хлебают казенную кашу в сумасшедших домах. Веселые дома, если уместно такое сказать.

Обкусывая заусеницы, Илерия все же решилась войти. Разве позволено побеждать монстрам? В книгах их убивают быстрее, чем зло успевает вырасти до вселенских масштабов.

Все неизменно. Залитая солнцем гостиная не внушала опасений. И самым страшным здесь могли оказаться только прямые углы мебели. Зеркало, висящее в спальне, она тут же убрала в кладовую. Сама мысль о нахождении с ним в одной комнате натягивала нервы до предела. Оно – очередное напоминание о набирающем силу видении. Ему не место в этом доме, даже не смотря на изумительной работы золоченую раму.

Перепачканная соком травы и землей, Илерия позлорадствовала, усаживая потрепанного медвежонка в удобную позу среди коробок:

– Назначаю Вас, Сэр Барни, смотрителем зеркал! – вВеличественно возвестила она, и, плотно закрыв за собой дверь, заперла ее на ключ.

Избавляться от всех отражающих предметов она не видела смысла, но попыталась минимизировать их количество хотя бы в спальне.

После душа Илерия решила спуститься в подвал. Он заперт уже более шести лет. Ключ был найден без труда. Пару оборотов, и победный щелчок возвестил об открывшемся замке. За дверью лестница, уходящая глубоко вниз. Такие подвалы были во многих домах на Green str.. Они – признак страхов быть на поверхности, когда взрываются бомбы.

Война давно кончилась, но люди все еще жили теми днями, ожидая угрозу, способную уничтожить все на своем пути. Такое случилось много лет назад. Те, кто спасся в подобных городах, возомнили себя Богами, кем бы они не являлись на самом деле – последними тварями или нищими. И пусть над их головами висел купол, пусть за спинами стояла сильная армия, пусть враги почти обессилили – война осталась в их душе.

В таких местах, скрытых под толщей бетонированных полов, скрывались темно-серые пыльные подвалы. Про них никогда никто не забывал. Они оставались и будут оставаться еще долгие столетия.

Илерия помнила, как мама говорила, что человек пропитан страданиями поколений, и они будут такими до тех пор, пока не умрет последний из них. Колет была права – люди питаются страхами, а не они ими. И вступая по пыльным каменным ступеням, углубляясь в промозглую глубь, Илерия понемногу принимала свои.

– Не беги от себя, – как-то сказала мама. – Бойся не пуль, не войн, не злых людей, а бойся себя. Мы способны породить

больших монстров, чем кто-либо другой.

Сколько чудовищ могло стоять за ее спиной, Илерия старалась не думать.

А на двух длинных столах хранилось былое, что так долго было спрятано. Воспоминания путались среди приборов, колб и книг. Их именно столько, сколько могло уместиться в жизни обычного человека. Студенческие годы, живая мама и разбитое сердце от ее потери. Куч сваленного вместе прошлого несравненно больше, нежели пылинок в воздухе, воняющем затхлостью и стариной.

Илерия все так же стояла на последней ступеньке и смотрела. Углубиться дальше она не решалась, боялась спугнуть услышанный из недр подсознания голос мамы, ее смех. Звонкий и искренний. Как предел совершенства.

Илерия редко работала здесь. В основном пыталась выделить яд из спорыньи для дипломной работы. Ее страстное увлечение отравлениями и его видами не вызывало у мамы ровным счетом никаких опасений. Поэтому она позволила сделать здесь лабораторию. В фильмах ужасов и книгах в таких местах орудовали маньяки, разделявая людей. Илерия же предпочитала препарировать на работе, а здесь изучать только то, что не имеет тела: бактерий, вирусы, флору.

Все же сделав пару шагов вглубь, она осмотрелась: не считая двух заваленных столов, тут стоял холодильник, два контейнера с азотом и шкаф, древний, как сам дом. Это все, если не считать портрета жуткого бородатого мужика в облез-

лой раме на стене.

– М-да! – Илерия оценила фронт работ и пришла к выводу, что на все уйдет весь день.

Пусть она спала всего пару часов на улице в грязи, рвения уйти от своих проблем не убавляло. С ног Илерия не валилась, не терялась в пространстве. Это говорило о ее сносном состоянии. Только вот требовалась много кофе с тостом. Желательно помазанным сверху мандариновым джемом. Что она и поспешила сделать. И уже с кружкой и тарелкой вернулась назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.